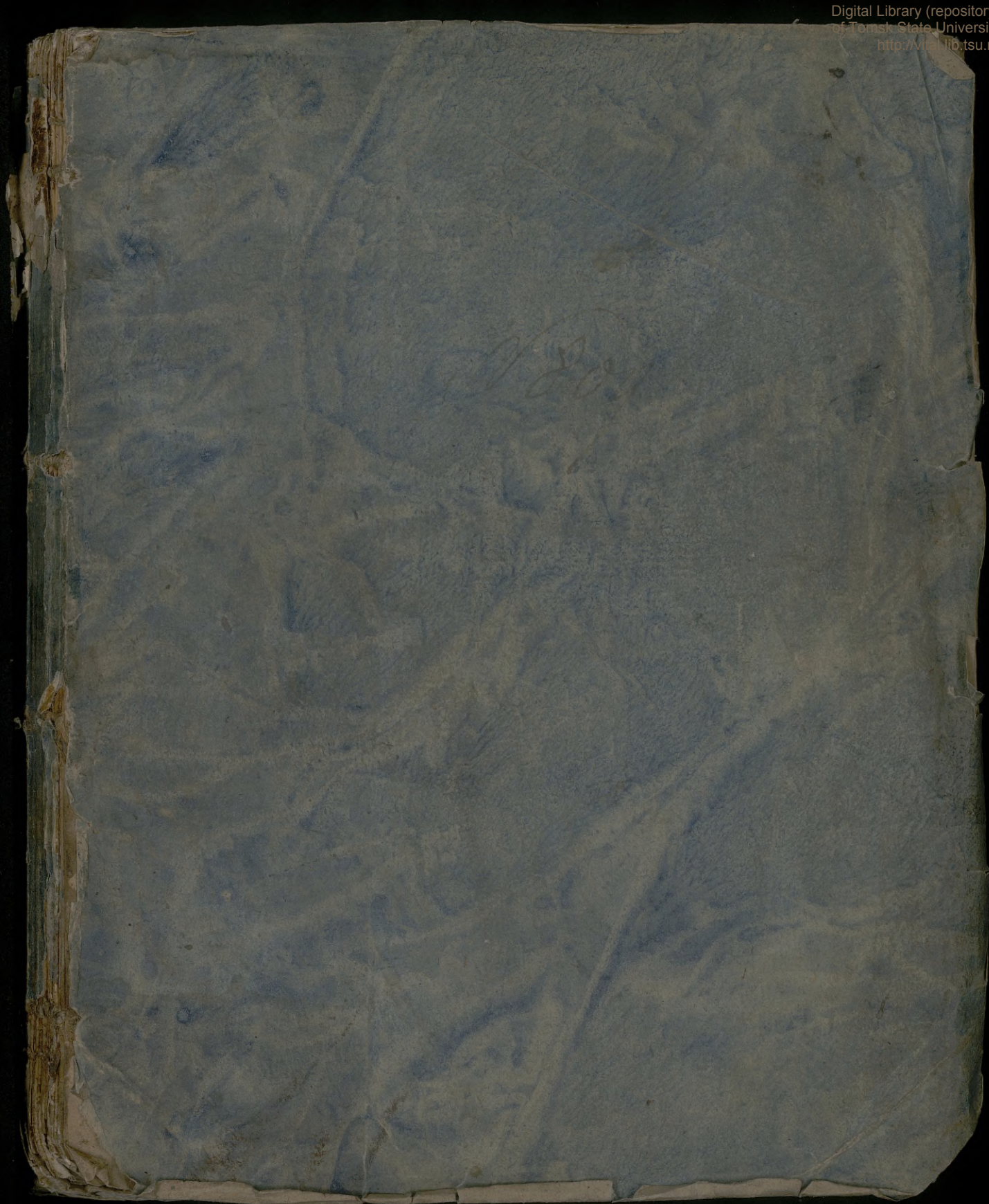

1
14

N 641
30

10380-41

Имв. кат 265631

ИСТИННА

БЛАГОЧЕСТІЯ ХРИСТИАНСКАГО,
ДОКАЗАННАЯ ВОСКРЕСЕНІЕМЪ

ИСУСА ХРИСТА,

съ Математическою точностію.

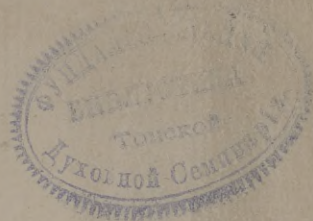
ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Сочиненіе знаменитаго Математика
Англинскаго, Гумфреда Дилшона.

ТОВОЛЬСКЪ,

Въ Типографіи у Корнильевыхъ.
1804 года.

В-5597

Съ дозволенія Святѣйшаго Прави-
тельствующаго Синода.

СВЯТѢЙШЕМУ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ

ВСЕРОССИЙСКОМУ

СВНОДУ

Усерднѣйше приносятся,

ИЗВѢСТІЕ
О
ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ
УЧЕНАГО АНГЛИЧАНИНА,
ГУМФРЕДА ДИТТОНА,
ОСОБЛИВО
О ДОКАЗАТЕЛЬСТВѢ ЕГО
НА
ИСТИННУ
БЛАГОЧЕСТІЯ ХРИСТИАНСКАГО,
НАПИСАННОЕ
ГАВРИЛОМЪ ВІЛЬГЕЛЬМОМЪ ГЕТТЕНОМЪ.

ИЗВЕСТИЕ

О ДѢЛѢ

ОБЪЕДИНЕНІЯ

СВЯТЫХЪ

ОБЩИНЪ

ОБЪЕДИНЕНІЯ

ВЪ

СВЯТЫХЪ

ОБЩИНЪ

ОБЪЕДИНЕНІЯ

ОБЪЕДИНЕНІЯ

§ I.

Диппонъ родился въ Салисбургѣ, городъ довольно извѣстномъ по своему прежде бывшему ученому Епископу, умному Гилберту Бурнему. Его родители были противо—Конформисты или Пресвитериане. Извѣстно, что это въ Англіи есть имя той великой партіи, которая отдѣляется отъ вышедшей или Епископской церкви. Они всегда имѣли многихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ, ежели судить о нихъ по славѣ или учености. Епо безъ сомнѣнія было одно изъ побужденій, которые преклонили родителей нашего Диппона посвящать его отъ молодыхъ ногтей тому сословію, въ которомъ они видѣли столь много трудящихся съ великою пользою. Его прилѣжаніе и его великія способности столь скоро доставили ему познаніе нужныхъ Богословамъ языковъ и наукъ, что онъ, еще будучи очень молодъ, принялъ на себя званіе проповѣдника въ Тунбриджѣ, въ Графствѣ Кентъ. Но сіе званіе было для него трудно. Хотя ученость и благоразуміе его были совершенно достаточны къ понесенію сего бремени, но недоставало къ тому

II

здоровья. И кто отсюда не познаетъ, съ какимъ усердіемъ и вѣрностію онъ отправлялъ сію должность. По чему друзья его и Лѣкари, видя, сколько онъ чрезъ сіе сокращаетъ жизнь свою, совѣтовали ему оставить свою должность. Онъ послушался ихъ совѣта, рѣшился оставить свою должность, и исполнить сіе самымъ дѣломъ. Я не вижу, по чему его за сіе можно было осуждать или сказать: онъ отрекся служить Богу. Я думаю, что высочайшему существу гораздо пріятнѣе, чтобъ кто нибудь въ другомъ, равнымъ образомъ человѣческому роду полезномъ состояніи жилъ многіе годы, нежели чтобъ единожды вступивъ въ проповѣдники, сдѣлался навсегда неспособнымъ доставлять какую либо пользу. Чемъ можно меня опровергнуть, когда скажу я, что Божеская премудрость при семъ содѣйствовала? Она предопредѣлила его къ особенному подвигу. Къ довершенію столь яснаго доказательства недостаточно было, какъ судилъ одинъ Французъ, чтобъ онъ имѣлъ высокой разумъ; надобно также было, чтобъ онъ былъ великой Математикъ. Де Гар-

III

рисъ, весьма знаменитый Математикъ тогдашняго времени, скоро открылъ, сколь много онъ былъ къ Математическимъ наукамъ склоненъ, и по мнѣнію Господина Вистона, онъ былъ (*) еще болѣе къ оной сроденъ, нежели упомянутый Г-нъ Гаррисъ и самъ онъ. Сей уговаривалъ его оставить свою должность, и вмѣсто оной избрать Математику. Онъ и въ самомъ дѣлѣ, оставивъ оную, предметомъ своихъ упражненій избралъ Математику, и въ оной въ краткое время приобрѣлъ великое и рѣдкое знаніе. Его шворенія и его услуги довольнымъ сему служатъ доказательствомъ. Пресвитеріанство было уничтожено, которое его отторгало отъ публичныхъ услугъ. Онъ имянно оставилъ Пресвитеріанъ, и перешелъ къ Епископской или собственно къ Англинской церкви, и могло ли ему при великой славѣ своея учености, не доставать значнаго мѣста въ такой землѣ, гдѣ умѣютъ столь хорошо уважать и столь высоко цѣнить Математическія знанія? И такъ онъ занялъ мѣсто публичнаго Учителя или

(*) Въ сообщенныхъ письменныхъ извѣстіяхъ.

IV

Профессора въ новой Математической школѣ Христіанскаго гошпиталѣ въ Лондонѣ. Не всегда можно судить, какъ я это знаю, о дарованіяхъ чело-вѣка по значной его должности. При всемъ томъ однакожъ есть и такія извѣстныя должности, къ ко-торымъ одни лишъ способные допус-каются, и кои ни кѣмъ болѣе, кромѣ таковыхъ, не могутъ быть занимаемы. Такого роду была должность Г. Дит-тона. И по сему то я привелъ сіе здѣсь, яко знакъ его учености. Въ семъ скоро можно увѣриться, когда я присоединю сюда нѣкоторое описа-ніе.

§ II.

Гошпиталь Христовъ или боль-шой Сиротской домъ посреди города Лондона (*) не очень далеко отъ Ма-гистрата или Рагуши. Когда Англія была еще подъ игомъ Папы, то епо былъ одинъ монастырь, принадлежав-шій Францисканскому ордену. Но те-перь опредѣленъ для полезнѣйшихъ вещей. Ибо тамъ находится гораздо болѣе тысячи сиротъ. Распоряженіе

(*) см. Journey through England.
Vol I. p. 295.

V

и правила онаго очень хороши, зала украшена прекрасными картинами, весь домъ Сиротской чисто и порядочно выстроенъ. По сему самому онъ заслуживаетъ быть осматриваемъ странниками. Въ семъ Сиротскомъ домѣ Король Карлъ второй въ 1673 году основалъ Математическую школу, въ которой сорокъ возрастнѣйшихъ дѣтей обучаются всѣмъ частямъ Математики. Изъ нихъ десять или двѣнадцать ежегодно отдаются корабельщикамъ въ наученіе, и тамъ послѣ становятся опытнѣйшими людьми и мужественнѣйшими Флотскими Ироями. Сии сорокъ мальчиковъ по всякой годъ представляются Королю въ Женнѣ, и бывають отъ Его Величества почтены новыми подарками, какъ о томъ было однажды писано въ публичныхъ вѣдомостяхъ. Послѣднихъ годовъ (*) публичный Учитель ихъ долженъ быть всегда одинъ изъ

(*) Кихельбеккеръ въ своемъ описаніи Лондона на 28 листѣ, которой вмѣстѣ показываетъ, что сіе училище за нѣсколько лѣтъ совершенно возобновлено.

VI

людей искуснѣйшихъ въ семъ званіи, и ничто кромѣ заслугъ на сей степень ни кого возвести не можетъ. По велику Г. Диттонъ симъ преимущественно предъ другими былъ одаренъ, что ему досталось сіе мѣсто, и занималъ оное съ великою славою до самой кончины своей.

§ III.

Диттоновы сочиненія по большей части согласовались съ принятою имъ должностію. Уже въ 1705 году издѣли его Теорему Сферикокапоптрическую въ выходящей на Англинскомъ языкѣ исторіи Философовъ. (*) Епо было Латинское сочиненіе почти въ листъ, въ которомъ онъ показывалъ: какъ во всѣхъ вогнутыхъ зеркалахъ зажигательная точка помощью Алгебры опредѣляется. Господа сочинители Латинской исторіи ученыхъ мужей (**) нашли сію Теорему столь хорошею, что они ее помѣстили въ своихъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ.

(*) Philosophical Transactions томъ XXVI стр. 139.

(**) Дѣянія ученыхъ мужей No 295. стр. 1810.

§ IV.

Потомъ Г. Диттонъ выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе о законахъ движенія и сочиненіе о тѣченіяхъ (fluxionen.) То и другое, по сужденію der Bibliothique raisonnee, свидѣтельствуя о знаніи ученаго Творца, хотя они не имѣютъ высочайшаго совершенства. Первое сочиненіе вышло въ 1706 году подъ слѣдующимъ титуломъ: The general Lavvs of Naturae and Motion, vvith their Application to Mechanic. Also the doctrine of Centripetal Forces and VVelocities of Bodies, describing any of the conik sections, being a part of the great Mr. Nevvtons Principles. The VVhole illustrated vvith variety of useful Theorems and Problems and accommodated to the use of the Younger Mathematicians. Въ ономъ изслѣдываетъ всеобщіе законы природы и движенія, такъ что онъ вмѣстѣ показываетъ, какъ оныя приспособлять должно къ Механикѣ. Въ ономъ также предпринято ученіе о силахъ тѣлъ центральныхъ (vires Centripetae et Conirifugae) такъ, что вмѣстѣ изъясняетъ частію началъ великаго Невтона, и начинающимъ учиться Математикѣ, которые оныхъ еще надлежа-

VIII

шимъ образомъ не разумѣютъ, дѣла-
етъ ясными. По чему и знаменитый
Господинъ Надворный Совѣтникъ Вол-
фій въ своемъ сочиненіи о превосход-
ныхъ Математическихъ твореніяхъ на
91-мъ листѣ упоминаетъ о сей книгѣ
Г. Диттона, и думаетъ, что онъ въ
ней съ Господиномъ Кейль не только
проложилъ путь къ изобрѣтеніямъ
Галилея, Валлисена, Вреененса и Гуге-
нія, но и къ изобрѣтеніямъ Г. Нев-
тона, которыя онъ предложилъ въ
своихъ началахъ Мат. Фил. Нат.

§ V.

Что касается до другаго упомянутаго
сочиненія нашего Диттона о течені-
яхъ, то я нахожу, что самой уче-
ный Іоаниъ Клеркъ одобрилъ сей ша-
стливый плодъ нашего Диттона, об-
работалъ оное по смерти сочинителя
и такимъ образомъ въ новомъ видѣ
представилъ очамъ свѣта. Надпись
сего другаго творенія, въ 1726 году
вышедшаго, есть сія: An institution
of fluxions. By Humphry Ditton.
The second edition revised, corrected
and augmented by Iohann Clarke. (*)
Сіе ученіе у послѣдователей Невтоно-

(*) Дѣян. ученыхъ мужей 1728 года Мая.

выхъ, названныхъ *Arithmetica fluxio-*
nium, или *differential und integralre-*
chnung, Господинъ Дипшонъ напи-
салъ къ употребленію учениковъ въ
высшей Геометріи. Онъ въ семъ тво-
реніи особливо старался изъяснить
понятіе о бесконечно малой величинѣ,
и изъ сего вывести сей несравненной
образъ счисленія. Онъ слѣдовалъ по-
му плану, которой имѣлъ въ виду
великой Невтонъ въ своемъ сочине-
ніи о квадратахъ, такъ что сочине-
ніе Г-на Дипшона есть, какъ бы изъ-
ясненіе перваго начала изъ тѣхъ, въ
которыхъ сія особенная наука счисле-
нія заключается. (а)

§ VI.

Между тѣмъ сей свѣдущій въ
Геометріи Учитель не забылъ и тѣхъ
наукъ, которымъ онъ съ начала обу-
чался. (аа) Онъ не уклонилъ при-
няться за труднѣйшую часть сочи-
ненія, такъ какъ онъ на сей конецъ
очень хорошо научился Еврейскому
языку. Онъ всегда помнилъ, что онъ
посвятилъ себя служенію Всевышняго
въ Его церкви, и ревность его къ ре-

(а) Ученыя вѣдомости 1723 года въ 59 час.

(аа) *Bibliothec. vais. I. C.* и Висшонъ.

Х

лигіи побудила его прочія знанія употребить въ ея пользу. Рѣдкой, но подлинно похвальной примѣръ! Быстрой его умъ представляетъ ему, что между Богословами и тѣми, которые занимаются другими науками, должна быть всегдашняя вражда. Хотя въ прочемъ надобно отдать честь знаменитымъ Математикамъ въ томъ, что многіе изъ нихъ чрезъ заступничество ея оказали великія услуги. Они щедро наградили то, что другіе изъ ученыхъ сего рода ко вреду Христианства предпринимали. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ любители сего труднаго науки въ разсужденіи сего, по праву, могутъ похвалиться нашимъ Дипломомъ. Онъ скоро нашелъ случай показать свою ревность къ религіи. Действы часъ отъ часу всегда болѣе распространялись въ Англіи, и старались собственнo присвоить себѣ славу точнаго изслѣдованія. По чему онъ думаетъ, что сіи не могутъ лучше быть сражены, какъ чрезъ Геометрическія доказательства. Для сего онъ общалъ, какъ изустно, такъ и въ печатномъ проэктѣ переведенное мною доказательство истинны Христианской религіи, и общалъ

XI

Божественность Евангелія по строжай-
шимъ правиламъ Математики утвер-
дить, или, какъ они любили гово-
рить, доказать, (demonstrare). Де-
исты сему смѣялись, и нѣкоторые
благодѣтельные опасались, что сей
предмѣтъ не можетъ быть приведенъ
въ столь очевидную ясность. Но
какъ тѣ, такъ и другіе были при-
ведены въ удивленіе, когда сіе его
твореніе въ 1712 году вышло въ свѣтъ.
Друзья благочестія нашли, что оно
есть совершенная демонстрація, хотя
сочинитель не далъ ему сего назва-
нія, и по сему весьма хорошо его
приняли. Деисты же ничего не могли
на сіе отвѣтствовать. Они только
говорили, что всѣ слѣдствія, выве-
денныя изъ Воскресенія Іисуса Хрис-
та суть слабы, доколѣ еще можно
отрицать, что находится откровен-
ная религія. Въ сихъ словахъ не мо-
жетъ быть совсемъ никакого смыс-
ла, еслии они не заключаютъ въ
себѣ сомнѣнія въ необходимости от-
кровенія, и сіе то самое есть то,
что Тиндалъ, по смерти Димптона,
и Коллинъ прежде его въ своей кни-
гѣ о свободѣ мыслить, истинну ре-

XII

лиги спарались подорвать (*) Г. Дит-
тонъ хотѣлъ отнять у Деистовъ и
сію отговорку. Но чему онъ сдѣлалъ
проектъ къ другому шворенію, въ ко-
торомъ онъ хотѣлъ доказать необхо-
димость откровенія и Божественное
вдохновеніе книгъ Священнаго писанія.
Сказываютъ онъ избралъ къ сему со-
вершенно новый методъ, и то, что
онъ по оному сдѣлалъ, есть изыщно.
Но онъ не жилъ столько, чтобъ могъ
окончать сіе свое хорошее предпрія-
тіе. Тѣ, которые приняли на себя
трудъ исполнить то послѣднее его
желаніе, и его дочь, которая имѣетъ
рукописное сочиненіе, думаютъ, что
изданіе онаго не принесетъ никакой
чести сочинителю, и они не иначе о
семъ отзывались, какъ о голомъ и
несовершенномъ чертежѣ. (**)

(*) см. bibl. rais. Т. V Ч. II.

(**) Сей недостатокъ наградила потомъ
между прочими въ Кенигсбергѣ основательной
мужъ Г. Профессоръ Кнушъ въ своемъ Фи-
лософическомъ доказательствѣ истинны Хри-
стіанской религіи; въ которомъ онъ противъ
спранныхъ нападеній Англичанина Фо Хубб.
стр. 74. и далѣе вмѣстѣ доказалъ, что

XIII

§ VII.

Все, что только принадлежитъ до исторіи сей книги, должно послѣ проспранить изъяснить. Теперь я долженъ показать, что еще нашъ Димпсонъ здѣлалъ предъ концомъ своимъ въ разсужденіи Математическихъ вещей. Въ 1714 году издалъ онъ слѣдующую книгу: *The newv Lavv of fluids or, a Discourse Concerning the Ascent of Liqours, in exact Geometrical figures, betvveen tvvo nearli Conti-guous surfaces. To vvhich is added the true State of the case about Matters Thinking. London. 1714.* Это собственно суть два маленькихъ сочиненья въ осмуху, изъ которыхъ первое соспавляетъ 68, а другое 73 страницы. Въ первомъ онъ разсуждаетъ о восхожденіи жидкой маперіи между двумя плоскостями, одна съ

возстаніе Иисуса Христа отъ смерти есть не-противорѣчащее великое чудо, или непосредственное чрезвычайное дѣло Божеской силы; и слѣд. утвердилъ далѣе то, о чемъ Димпсонъ стр. 354 и 407, какъ о неоспоримомъ думалъ.

XIV

другою сближающимися. Изъ сего разсужденія онъ извлекъ общее прибавленіе простирающееся до 21 страницы, и въ которомъ онъ старается показать достовѣрность ученія о приращеніи. Г. де ла Рошъ (*) разсуждаетъ, что не безъ удовольствія можно видѣть, какъ сей остроумный Сочинитель отвѣчаетъ на возраженія, которыя дѣлаютъ противъ сего ученія. Онъ показываетъ, сколь далеко рѣшенъ споръ: вещество способно ли мыслить? Онъ въ немъ по всеобщимъ примѣчаніямъ съ большею отважностію полагаетъ то, что полагалъ въ переведенномъ мною о томъ прибавленіи, а особливо онъ въ немъ пространнѣе отвѣчаетъ на тѣ возраженія, которыя противная сторона обыкновенно беретъ отъ неизвѣстныхъ свойствъ матеріи. Онъ въ немъ ходитъ по основанію очень глубоко. И сіи два сочиненія Г-на Диттона послѣ его смерти паки были выпечатаны, и еще въ 1731-мъ году (**). Ежели бы послѣднее сочи-

(*) Въ memoirs of Litterature vol. VIII. стр. 46.

(**) См. учен. вѣд. 1731 года лис. 721.

неніе принадлежало до самой книги,
 и ни сколько не касалось прибавленія,
 то бы я постарался и о переводѣ о-
 наго, послѣ какъ имѣлъ у себя оное
 на Англинскомъ языкѣ.

§ VIII.

Можетъ быть его прилѣжаніе бо-
 лѣе было причиною преждевременной
 его смерти (*). Она послѣдовала по
 увѣдомленію Г-на Вистона въ началѣ
 1715 года. Его лѣта не были причи-
 ною ея. Ибо онъ внезапно долженъ
 былъ на сороковомъ году оставитьъ
 свѣтъ, который еще много ожидалъ
 отъ него пользы. Его доходы не да-
 лѣе проспирались, какъ на самонуж-
 нѣйшее содержаніе, такъ что онъ свою
 жену съ двумя сынами и двумя до-
 черьми оставилъ безъ помощи. Но его
 друзья и благодѣтели по смерти его
 столько вступились за сію фамилію,
 что вдова довольствуется въ Христі-
 анскомъ Гошпиталѣ. Одинъ сынъ былъ
 отданъ учиться, которой теперь про-
 повѣдникомъ въ Ислингтонѣ, не дале-
 ко отъ Лондона.

(*) Bibl. raisonne L. C.

XVI

§ IX.

До сихъ мѣстъ упомянутыя нами сочиненія нашего Дитмара и извѣстія его знакомцевъ даютъ намъ о немъ понятіе, что онъ вмѣстѣ былъ и дѣятельная голова и глубоко-мысленный мужъ; мужъ, который во всѣхъ вещахъ восходилъ къ началу; мужъ, который ничего въ своемъ изслѣдованіи не упускалъ, что могло служить къ ясности его понятія, къ правильности его заключенія, и къ утвержденію его началъ. Глубокая проницательность у него сопряжена была со многимъ чтеніемъ сочиненій, особливо древнихъ. Хорошее его разсужденіе дѣлало то, что онъ нлады сего чтенія умѣлъ употреблять всегда въ надлежащемъ мѣстѣ, или по образу Англичанъ въ правильной мѣрѣ. Ревность его къ благочестію была велика, увѣреніе въ истиннѣ его было живо, но уваженіе его къ учености и разуму главнѣйшихъ Деистовъ было посредственно. Да и какъ сіе могло быть иначе? Онъ зналъ ихъ и зналъ благочестіе. Онъ зналъ основаніе послѣдней, но о основаніи первыхъ ему ничего не было извѣстно такого, чтобы

XVII

постоянная душа могла когда-либо представить, не опорочивая себя. Предприятія свои онъ приводилъ къ концу съ неутомимымъ тщаніемъ. По чему онъ достигъ до высокой степени какъ Математики, такъ и Богословіи. Онъ видѣлъ мерзость и срамоту Гоббевіанскихъ заблужденій, и по тому излагалъ ихъ при всякомъ случаѣ. Ничего ему не доспавало, кромѣ высокаго поколѣнія, чтобъ въ потомствѣ читались между великими людьми. Господинъ Вистонъ судилъ о немъ такимъ образомъ: Онъ былъ превосходный и ученый мужъ и ревностный споспѣшникъ истиннаго Христіанства.

§ X.

Книга сего Дипшона, о истиннѣ Христіанской религіи изъ Воскресенія Іисуса Христа, есть одна изъ малаго числа тѣхъ, которыми удивлялись всѣ народы, которые читали и о которой съ похвалою отзывались писавшіе о той же матеріи. Это есть одна, по признанію всей Англіи, превосходнѣйшая книга въ своемъ родѣ. (*)

(*) Ученая вѣдомость 1729 года, 1 част. Бель пишетъ истинну въ слѣдующихъ словахъ:

XVIII

Доказательствомъ тому суть: внутренняя красота, частыя оной изданія, различные переводы, и всегда съ похвалою сопряженные сужденія о ней ученыхъ. Ежели мы не только на ученость, но и на основательность, на правильность въ заключеніи, на ясность, на краткость посмотримъ; то ни одного изъ извѣстныхъ доказательствъ о истиннѣ Христіанской религіи не предпочтемъ сему; и едва ли другое во всѣхъ оныхъ частяхъ съ ними можемъ мы наравнѣ поставить. Доказательство Французскаго Елискола Гвеція есть безъ сомнѣнія рѣдкое сокровище изъ прекрасныхъ примѣчаній, и совершенная оружейница, въ которой храбрый Ирой истинны можетъ найти себѣ различныя оружія. Но само по себѣ оно служило больше къ утвержденію приверженныхъ къ Христіанству, нежели къ

Англія есть та страна свѣта, въ которой глубокія умствованія, (Метафизическія и Физическія) исполненныя Схоластическихъ знаній, наиболѣе въ употребленіи и модѣ. Писемъ частк. II. стр. 706.

ХІХ

убѣжденію Невѣрныхъ. Они спрашиваютъ ее читать по причинѣ ея величины и образа предложенія. Оно есть наиболѣе только для ученыхъ и отчасти для такихъ, которые имѣютъ вкусъ въ древности. Но сколь много таковыхъ? Всякъ, кто только читалъ объ книги, долженъ признаться, что нашъ Англичанинъ очень превзошелъ сего ученаго Француза въ частяхъ, составляющихъ самое существо демонстраціи. Гуетій имѣетъ ту же форму, но не такую связь, не вездѣ такую же правильность. Противъ сей книги можно скорѣе защищаться. За нашимъ Диптономъ чрезъ всю книгу можно послѣдовать въ связи его заключеній. Можно безъ всякой трудности перебѣжать мыслями всю книгу и сохранить всегда живое понятіе о прежнемъ. Диптонъ сочиненіемъ своимъ поражаетъ сердце. Ибо онъ представляетъ вещи столь ясно, что ихъ непремѣнно всякому надобно увидѣть, если насильно самъ себя отъ того отвлекать не станетъ. Одна только нарочитая нечувствительность и не обыкновенная невнимательность могутъ воспротивиться силѣ и впечатлѣ-

XX

ніямъ ихъ въ сердцѣ Читателя. Чтобы привлечь вниманіе сихъ послѣднихъ, онъ въ первой части гораздо пространнѣе, нежели въ прочихъ. Ежели дѣло дойдетъ до того, что Невѣрные будутъ замѣчать наши основанія, и замѣчать съ особливымъ разсужденіемъ; то Диппонъ выигралъ. По чему остроумный Господинъ Колеръ справедливо говоритъ о сей первой части: „Господинъ Диппонъ, „какъ мудрый Архитекторъ, прежде хотѣлъ положить хорошія основанія всѣмъ вещамъ, чтобы тѣмъ лучше ему можно было на нихъ воздвигнуть сданіе. „(*) Хотя неученымъ въторая часть покажется не мало трудною, и они лучше соглашались мелькомъ ее перебѣжать, нежели, чтобы быть ею удержанными отъ чтенія слѣдующей части; однако тотъ же самый Колеръ и о сей второй части судитъ такъ: „Что люди, привыкшіе думать, найдутъ въ ней величайшее удовольствіе. „

(*) Избр. Богосл. библ. XXXVIII част.
114 лист. и далѣе въ 4-мъ томѣ.

XXI

При томъ онъ еще особливо въ ней
то похваляетъ, что Г-нъ Диттонъ
на концѣ сего части превосходныя на-
писалъ правила, въ разсужденіи того,
какъ должно поступать при изслѣдо-
ваніи истинны. Сочинители на Латин-
скомъ языкѣ выходящей Исторіи уче-
ныхъ мужей, починаятъ сію вторую
часть за превосходнѣйшую во всей
книгѣ. (**) Славный Клеркъ яснѣй-
шимъ образомъ показываетъ цѣну сего
части. (***) Хотя довольно, говоритъ
онъ, говорено о нравственной сей до-
стоверности, и ее употребляли къ
доказательству истинны Воскресенія
Иисусъ Христовъ; однако ни кто,
какъ я знаю, столь хорошо не обдѣ-
лалъ сію матерію и не сдѣлалъ столь-
ко ясною, какъ нашъ Созинитель.
То, что о семъ пишетъ Г-нъ Пас-
каль, (****) есть не совсемъ основа-

(**) Прибавл. дѣлъ учен. том. VIII. стр.
184.

(***) Bibl. chois. том. XXV. часть II.
стр. 443.

(****) Мысли Г-на Паскаля стр. 363. In
der ulmer auflage, гдѣ находишься особ-
IV

XXII

тельно. Тѣ, которые желаютъ имѣть
свѣденіе о сей важной маперіи, очень
хорошо сдѣлаютъ, ежели они сію
часть книги съ разсужденіемъ прочи-
таютъ. Пріятность сочиненія и удо-
вольствіе, которое Чипапель отсюда
получаетъ, возрастаетъ при каждой
частіи. Изящность третьей части каж-
дому представляется столь ясною,
что не нужно бы было, ежели бы я и
хотѣлъ распространиться въ похвадахъ
ей. Почти не можно рѣшиться пере-
стать читать ее, когда начнешь. Въ
ней все основательно, все живо, все
ясно. Въ прочемъ четвертая глава
есть наилучшая часть оной, по суж-
денію извѣстнаго уже упомянутаго
ученаго. Весьма мало найдется такихъ,
которые бы связь въ третьей главѣ
предложенныхъ слѣдствій съ прежни-
ми началами не проникнули, особливо,
если они четвертое отдѣленіе пер-

ливый трактатъ, въ которомъ показано: что
есть другія доказательства, столько же не-
сомнительныя, какъ доказательства Геометри-
ческія, и что можно употребить таковыя къ
защитѣ Хр. религіи.

XXIII

вой части со вниманіемъ читали. Г.
Дипшонъ для Спинозы могъ бы пи-
сать пространнѣе; но хотя въ при-
бавленіи, а не въ самой книгѣ пишетъ
не только противу Атеистовъ, но и
противу Деистовъ. Начало, коего до-
казательство онъ опускаетъ, есть
сіе: чудо сдѣланное самимъ Богомъ,
или дѣйствіе, которое непосредствен-
но происходитъ отъ самаго Бога, не
можетъ послѣдовать къ утвержденію
какого нибудь обмана. Онъ справедли-
во думалъ, что каждой сіе доказа-
тельство легко найдетъ въ истиннѣ
и благости Божіей, какъ онъ самъ сіе
показалъ въ послѣдней главѣ четвер-
той части.

§ XI.

Что было естественнѣе того,
какъ чтобъ неоднократно была вы-
печатана, и переведена на различные
языки эта книга, которая сама
въ себѣ столь превосходна, и отъ
ученыхъ столько похваляется? По се-
му она много разъ въ Англіи была
печатана. Первое изданіе вышло въ
1712 году; второе въ 1714; третіе въ
1722; и четвертое въ 1728 годахъ. О
слѣдующихъ изданіяхъ я не могу поч-

XXIV

наго опредѣлишь времени, только въ 1746 году въ Лондонѣ сказывали, что еще недавно одно новое изданіе оной послѣдовало. Четыре находятся съ ней перевода: два Голландскихъ, одинъ Французской и одинъ Нѣмецкой.

§ XII.

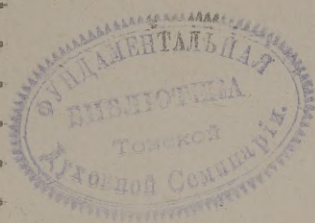
И такъ сей переводъ имѣлъ равное шастіе съ Англинскимъ оригиналомъ въ томъ, что онъ послѣ двухъ лѣтъ паки былъ выпечатанъ, именно въ 1734 году. При семъ второмъ писаніи послѣдовало слѣдующее. Я весь переводъ вновь пересмотрѣлъ, и гдѣ могъ найсти что нибудь требующее поправки, поправилъ.

Мое сердечное желаніе есть то, чтобъ и симъ изданіемъ надъ многими чинашелями произвести благословенное дѣйствіе. Поелику мои намѣренія, которыя я имѣлъ при семъ споль благословенномъ переводѣ, совершенно будутъ исполнены, ежели многіе люди въ такое время, когда вольность мыслить часто преобращается въ продержзость, имъ приведены будутъ къ твердому удостовѣренію, слѣдовательно къ истинной мудрости и произведенію душевнаго спокойствія.

5681.

XXV

Богъ, который изъ одной своей без-
конечной благости даровалъ намъ Сво-
его Сына ходатаемъ, и свѣтъ открове-
нія для нашего исправленія, да по-
ставитъ всѣхъ читателей сего пята-
го изданія въ сіе блаженное состоя-
ніе. При семъ я желаю моимъ чита-
телямъ меньше разсѣянія, напротивъ
болѣе охоты къ истинѣ, болѣе вни-
манія, болѣе разсужденія, но боль-
ше всего великой милости отъ Бога.
Такимъ образомъ они совершенно уз-
наютъ неспособность невѣрія, почтутъ
Творца и возлюбленнаго избавителя
своего достойными Бога жертвами, и
съ несомнѣнною увѣрительностію сер-
дца при свидѣтельствѣ Іисуса призна-
ются: во истинну воскресъ Господь.

Написалъ въ Ганноверѣ 24. Марта 1764. года

Д. ГАВРИЛА ВИЛЬГЕЛЬМЪ ГЕТЕНЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ которой доказывается, что Деис-
ты, если не хотятъ подвергнуть
себя величайшему несчастію, обязаны
изслѣдовать истинну Воскресенія
Христова.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Всеобщія основанія благочестія
Христіанскаго заставляютъ насъ
невыгодно думать о тѣхъ, ко-
торые ими не убѣждаются.

Когда мы со вниманіемъ рассматри-
ваемъ силу доводовъ, которыми обык-
новенно доказываютъ истинну Хрис-
тіанской вѣры, и примѣчаемъ, что всѣ
сіи доводы хотя почерпнуты и изъ
различныхъ источниковъ, однако въ
томъ совершенно согласны, что они

открываютъ Божественное начало сей вѣры: то кажется почти не возможнымъ, чтобъ понятіе и разумъ человѣческій когда нибудь возстали противу оныхъ. Изъ сего же самаго можно заключить, что вооружаться противу оныхъ не одно заставляетъ невѣріе; но еще нѣчто большее. Однѣ сумнѣнія разума не сдѣлали бы споръ объ оныхъ ни столько упорнымъ и продолжительнымъ, ни столько жаркимъ.

Кто мысли свои обратитъ на заповѣди Евангельскія, тотъ непременно долженъ признать ихъ превосходство, и ни какихъ не будетъ въ состояніи представить себѣ правилъ, способнѣйшихъ къ увѣренію человека въ томъ, что вѣра, ихъ предписывающая, происхожденіемъ своимъ обязана небу, что всѣ они чрезвычайно достойны великости Божіей, что всѣ согласны съ пользою и совершенствомъ человѣческой природы, и что споспѣшествуютъ спокойствію и благоденствію человѣческаго общества.

Присовокупите къ сему скорое и удивительное распространеніе сей вѣры. Побѣды, одержанныя ею надъ врагами, по ихъ остроумію, хитрости

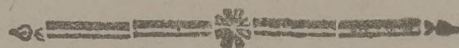
ти, могуществу и злости страшными, также и исполненіе всего сего чрезъ такія средства, которыя человѣческая премудрость почла бы наиглупѣйшими. Здѣсь усматривается властвующая десница Божія, которая едина только могла удивительными успѣхами увѣличать предпріятіе, къ совершенію котораго такіе избраны были средства и такіе пути, которые естественнымъ образомъ должны были сдѣлать его безуспѣшнымъ.

Пусть разсмотрятъ далѣе точное исполненіе тѣхъ пророчествъ, которыя достопамятнѣйшія произшествія, случившіяся въ свѣтъ, съ вѣрностію предсказали. Сіи предсказанія, въ коихъ ни кто сомнѣваться не можетъ, не суть ли торжественное свидѣтельство, что откровеніе, содержащее въ себѣ столь ясныя и чудесныя предрѣченія, происходитъ отъ Бога? Всякъ благоразумно мыслящій долженъ быть тѣмъ пронутъ.

Такъ на конецъ чудеса, которыя Иисусъ Христосъ и Его Апостолы, къ утвержденію ученія своего содѣлали, безоприцательнѣе доказываютъ съ ними присудствіе Бога. Кто признаетъ истинну сихъ чудесъ, и при всемъ

томъ Христіанскую религію почита-
етъ обманомъ, томъ долженъ или
закрѣсть себѣ глаза, чтобы не видѣть
перста Божія, или, что еще хуже,
сіи очевидныя дѣйствія Божеской си-
лы, приписать или хитрости человѣ-
ческой, или силѣ діавола.

Сіи различныя доводы Христіан-
скаго благочестія учинены столь яс-
ными, и съ такою силою предло-
жены, что по всѣмъ употребитель-
нымъ правиламъ здраваго разума не
можно оныхъ не принять, не посту-
пивъ въ семъ случаѣ весьма безраз-
судно. Одинъ изъ сихъ доводовъ,
если хорошо будетъ отдѣланъ и съ
надлежащею силою предложенъ, дол-
женъ привести противника въ жалкое
состояніе, когда только пресечены бу-
дутъ всѣ пути къ укрывательству, и
онъ принужденъ будетъ въ отвѣтахъ
своихъ надлежащимъ образомъ дер-
жаться самой вещи.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Особенный доводъ, взимаемый изъ
Воскресенія Іисуса Христова, есть

такого свойства, что его ни пренебрегать, ни обращать въ посмѣяніе нельзя. Понеже доводы, мною теперь приведенныя, многими уже сочинителями пространно предложены; но я вознамѣрился здѣсь разобрать другой, которой я могу употребить съ особливою пользою къ доказательству Божественности Христіанской вѣры, я разумѣю здѣсь Воскресеніе Іисуса Христа, виновника сея вѣры.

Сіе Воскресеніе есть самый главный членъ Христіанскаго ученія. Оно есть основаніе всѣхъ прочихъ, и изъ него единого можно заключить, что все прочее есть истинно.

Опнѣимте сей членъ у Христіанина, то онъ удобно оставитъ всѣ прочія. Отъ него зависитъ у него все: онъ заключаетъ въ себѣ все то, на чемъ основывается его настоящее утѣшеніе и его надежда о будущемъ, какъ въ разсужденіи тѣла, такъ и души.

Я знаю, что Деисты, съ которыми я теперь имѣю дѣло, не признаютъ его столь важнымъ; они обыкновенно тому смѣются. Мало есть вещей въ нашей наисвятѣйшей вѣрѣ, надъ которыми бы сіи люди не брали

себѣ лишней вольности. Но сіе особливѣйшій составляетъ предметъ ихъ наглоспи. Мы не вѣдаемъ ни чего, что бы они болѣе старались осмѣять, когда они имѣютъ случай воспользо-ваться своею вольностію. Хотя бы для меня не шрудно было взаимно надъ ними смѣяться; однакожъ я охотнѣе противупоставляю имъ доказательства, и при поведеніи ихъ не болѣе останавливаю, какъ только что предложу имъ слѣдующія два размышленія:

1. е. Не говоря, сколько для нихъ опасно осмѣивать вещь, коея слѣдствія какъ ихъ, такъ и нашего касаются благополучія; не хочу представлять имъ и неучтивости и неблаго-разумія, которое они оказываютъ, когда столь ѣдкимъ и презрительнымъ образомъ, какъ иногда они дѣлаютъ, издѣваются надъ тѣмъ, что въ ихъ опечествѣ главнымъ почитается членомъ вѣры, и что весьма многими людьми, кои имъ ни въ благоразуміи, ни въ проницательности не уступаютъ, признается необходимымъ для спасенія. Я не намѣренъ, говорю, сего касаться, но привести имъ только на мысль то, что собственная ихъ честь

должна ихъ отъ сего удержать, и обязать къ тому, къ чему ни благоразуміе, ни благопристойность ихъ обязать не сильны. Я прошу ихъ нѣсколько разсмотрѣть свое поведеніе. Они по сіе время сколько распочительны на насмѣшки, столько бережливы были на доказательства. Если они ихъ нѣсколько и имѣютъ, то однакожь они столь на это скупы, и такъ рачительно блюдутъ ихъ, что по одной только Христіанской любви, которая всегда надѣется отъ человѣка лучшаго, сдѣлать имъ угожденіе и того же отъ нихъ ожидать можно. Нѣтъ ничего недостойнѣе, по моему мнѣнію, честнаго человѣка, какъ когда онъ питаетъ себя нѣкоторыми забавными вымыслами, при вещи весьма важной, которая требуетъ наисновательнѣйшаго изслѣдованія. Если вѣру можно опровергать основательнымъ образомъ, и съ честію на нее нападать: то что за особливая хитрость скрывается въ томъ, чтобъ поражать ее только изъ далека, и по нѣкоторыми только шуточными мыслями и забавными словами.

Когда видятъ людей исполненныхъ ярости и огорченія противу вещи,

которую они оспариваютъ, то естественнымъ образомъ имѣютъ причину думать, что они, если въ прочемъ припворятся, ее щадить не будутъ, но всевозможной причинятъ ей вредъ.

Если есть что нибудь такое, что можетъ умѣньшить честь, которую Деиства таковой поступокъ приносить могъ, то это есть то, что остроуміе, которымъ они ищутъ обрати въ посмѣяніе вѣру, есть весьма легко, и даже самымъ подлымъ людямъ съ ними обще: я не говорю, сколь трудно за него въ будущей жизни будетъ отвѣтствовать; но только то утверждаю, что не многого требуется труда къ пріобрѣтенію его, и что небольшимъ онаго запасомъ долго можно довольствоваться, если его употреблять съ обыкновенною ихъ бережливостію. Разъ сердца нашего изъясняютъ пріятную услугу, когда на Христіанское благочестіе наводятъ подозрѣніе въ обманъ. Люди естественнымъ образомъ чрезвычайно склонны къ тому, чтобъ изъ одной догадки дѣлать нѣчто извѣстное, и когда въ томъ ласкаемо бываетъ ихъ склонности, то не требуется ни малаго разума, дабы

имъ понравиться, ни многого труда, чтобы заставить ихъ себя удивляться. Большею части людей, размышленіе есть вещь не извѣстная. Ихъ радость есть слѣпая радость. Сіе движеніе души подобно движенію маятника. Его возбуждаютъ тѣми же средствами, какими приводятъ въ движеніе часы. Разумъ въ томъ не имѣетъ ни малѣйшаго участія. Когда только ихъ единожды возбуждаютъ, любятъся они, почти не вѣдая, чѣмъ, для чего и на какой конецъ? Какъ скоро касающіяся вѣры, то томъ часъ начинающъ дѣйствовать всѣ пружины. Къ сему довлѣетъ одно впечатлѣніе: а развратъ и предразсудки человѣческія довершаютъ все прочее. Здѣсь то же самое бываетъ, что со струною какого нибудь инструмента. Какъ скоро ее коснешся, она издаетъ отъ себя звукъ. А какъ между развращеніемъ человѣческимъ и поношеніемъ божества такое пріятное сострастіе находилъ; то люди, не очень острого разума, находятъ вкусъ въ такихъ рѣчахъ, коими бываетъ порицаемо Евангеліе, и хотя они не умѣютъ оплачивать похвального слова отъ сапшеры, однакожъ поймутъ удобно раз-

сѣянныя колкія слова пропіву учите-
лей закона, естѣли они не слишкомъ
скрыты бывають; даже сила предраз-
судковъ или отвращенія столь вели-
ка, что люди и неглупые, вмѣстѣ съ
прочими, въ шаковыхъ случаяхъ при-
емлютъ казисные доводы за твердые,
и нелѣпѣйшія вещи за складные вымыс-
лы и тонкія мысли.

И такъ слава, пріобрѣтаемая глум-
леніемъ надъ вѣрою, есть маловажна.
Ибо ни малой изъ нее части не лѣзя
приписать разуму тѣхъ, коимъ сіе
предлагаемо бываетъ. Ею обязаны бы-
вають однимъ только спрасямъ ихъ
и вожденіямъ, которые прежде еще
пропіву благочестія предзаяты были.
Разумъ хочеть имѣть исправныя и
основательныя мысли. Онъ есть го-
раздо нѣжнѣе, нежели чтобъ глупою
ничтожностью могъ быть удовольст-
вованъ. А спраси и предразсудки при-
емлютъ все, что имъ не попадаетъ.
Кто только къ нимъ пріобщается,
тотъ всегда имъ угоденъ. Я совер-
шенно знаю ту честь, которую мож-
но пріобрѣсть, доставляя удовольст-
віе одаренной разумомъ части чело-
вѣка; но мнѣ кажется, что это са-
мую послѣднюю и презрѣннѣйшую при-

— II —

носитъ честь, когда угождаютъ той части челоуѣка, которая ему есть обща со скотами. Благоразумный челоуѣкъ скорѣе бы вѣнилъ себѣ за обиду, нежели за похвалу, когда бы ему сказали, что онъ въ томъ успѣлъ. Правда нѣтъ причины удивляться тому, что столь многіе встаютъ противъ религіи, для пріобрѣтенія себѣ славы оспроумныхъ людей; поелику ещо столь малаго стоить труда, что почти каждый имѣетъ къ тому средства. Однакожъ для челоуѣка, имѣющаго разсудокъ, должно быть весьма чувствительно, естли онъ подумаетъ, что сею славою онъ не другому чему обязанъ, какъ глупости людей; и что онъ пріобрѣлъ себѣ не безъ противоборствія отъ стороны здраваго разума, да и что превосходнѣйшіе люди за то самое умъ его презираютъ, что ему доставило почтеніе со стороны тысячи простаковъ, которые ему, или избѣгая токмо споровъ, или изъ сѣрной скороспѣшности, прославленіемъ и хвалою жертвуютъ.

2) Второе примѣчаніе, которое я общалъ, есть слѣдующее: Ругаться словами надъ Христіанскимъ баагочес-

тіемъ, есть дѣло не новое. Наши нынѣшніе Деисмы могутъ одно только распространіе сего способа, а не изобрѣшеніе онаго себѣ присвоить. Ихъ предшественники употребляли оной съ самыхъ первыхъ временъ Евангелія. Они издѣвались надъ Воскресеніемъ; и когда они должны бы были опровергать его умствованиями, то они думали, что будто оно теряетъ все свое вѣроятіе, какъ скоро они подвергнутъ его своему посмѣянью.

Они, не довольствуясь тѣмъ, что сами ему не вѣровали, старались еще весь свѣтъ вовлечь въ свое мнѣніе, которое они подкрѣпляли своимъ кощунствомъ; они уловляли умы ненавистнымъ видомъ, каковой они умѣли дать сему ученію. Они не выпускали изъ головы ни одного наименованія, которымъ его могли у всякаго дѣлать презрительнымъ. Они называли оное нелѣпою, гнусною и невозможною вещью по ихъ мнѣнію. Безъ наималѣйшаго доказательства довольно было одного лишь смѣху ругательства, чтобъ лишить сіе ученіе всей своей важности и учинить оное предъ исповѣдаателями его столько презрительнымъ, каковымъ оно казалось величайшимъ врагамъ своимъ.

Я очень знаю, что Философъ Цельсѣ, въ последнемъ мѣстѣ, которое я привелъ изъ Оригена, вводитъ нѣкоторыхъ Христіанъ, въ коихъ уста влагаетъ онъ сіи издѣвочныя рѣчи противу ученія о Воскресеніи, хотя оно составляетъ главный членъ Христіанскаго благочестія. Но не только трудно подуматъ, чтобъ Христіане такимъ образомъ изъяснялись, но и выраженія врага сего споль несоразмѣрны, и понятіе, какое даетъ онъ о Воскресеніи, споль различно отъ того, которое Христіане всегда объ ономъ имѣли, что не трудно усмотрѣть, что Цельсѣ говоритъ изъ своей головы, или онъ повѣствуетъ то, что прежде его противъ сего ученія предлагали противники, споль же ненавидѣвшіе оное, и споль же мало знавшіе, какъ и Цельсѣ.

Точно также оглагольствованіе Воскресенія Іисусъ Христова имѣли и они особливымъ и ежедневнымъ для себя упражненіемъ. Они выдавали его за одни только бредни и обманъ. Они мнили, что должно, если ему вѣришь, или весьма заблудительное имѣть воображеніе, или быть очаровану.

Естли имъ говорили, что Иису-
 са по Воскресеніи Его видѣли, то о-
 ни тотчасъ умѣли пересказывать ты-
 сячу басней о привидѣніяхъ и явле-
 ніяхъ, которымъ столькожъ твердо
 вѣрила чернь, сколько всѣ благоразум-
 ные смѣялись. Для того Апостолы,
 свидѣтельствовавшіе о Воскресеніи сво-
 его Учителя, не заслуживали болѣе
 вѣроуія. За несущее труда почи-
 тали дѣло, чтобъ уличать ихъ въ
 неправдѣ и обманѣ. Ихъ называли
 глупыми мѣчпунами, великой произ-
 водившими шумъ о такихъ вещахъ,
 которыя существовали токмо въ ихъ
 воображеніи.

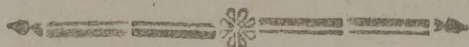
Вотъ часть того, о чемъ еще
 нынѣшніе наши Деисты и Натуралис-
 ты твердятъ, не думая, что сіи не-
 навистныя понятія, какъ я теперь
 показалъ, не только малаго стоятъ
 и ничего не доказываютъ, но и столь-
 ко же мало имѣютъ силы въ опровер-
 женіи, какъ и въ защищеніи истинны.

Но когда я разсуждаю, что сей
 образъ опровергать Христіанскую ре-
 лигію, есть столько же древенъ, какъ
 и сія самая религія; то сіе подаеиъ
 мнѣ случай къ примѣчанію, о кото-
 ромъ я не могу умолчать по его важ-

ности: откуда же сіе происходить, что враги Христіанства и тогда еще довольствовались одними только худеніями и ругательствами? Не ужель они не могли чего-либо сдѣлать другаго противъ сей религіи, которая тогда была еще въ младенчествѣ? Когда еще Исторія, на которой она основывается, была еще въ свѣжей памяти, когда было удобно дойти до самаго основанія, и сдѣлать наиполнѣйшія изслѣдованія, которыми бы все дѣло совершенно рѣшилось. Неужель они болѣе ни о чемъ не старались, находясь близь самихъ шѣхъ мѣстъ; какъ еще всѣ свидѣтели живы были; когда сія перемѣна начала столь много обращать на себя въ свѣстѣ вниманія, и когда столь удобно было сіе въ шонкость разыскать? Могли ли остроумные Греки и ожесточенные Іудеи лучше употребить свои разысканія, и не признали ли бы себя весь родъ человѣческій имъ за сей ихъ, въ открытіи обмана, прудъ обязаннымъ? По чему же они останавливались только на однихъ злорѣчіяхъ? Безъ сомнѣнія только для того, что они на чего не могли другаго сказать. Пощадили ли бы они Хрис-

христіанскую вѣру, естли бы были въ
состояніи лишить ее всей ея чести?
Позволимъ ли намъ ихъ ненависть
и ихъ злорѣчія, которыми они ее
обременяли, чаять, что они ей въ
чемъ либо учинили поблажку, и по
нѣкоторымъ намѣреніямъ сострада-
тельности и сожаленія погребли въ
молчаніи такія истинны, которыя ее
совершенно бы подорвали? Елико могъ
бы учинить одинъ довольно хорошій
доводъ, естли бы онъ ясно пока-
залъ, что чудеса и Воскресеніе Іисусъ
Христово суть одни шокмо проходы
или обманъ глазъ, а Апостолы не что
другое были, какъ обманщики. Но что
я говорю? Довольно бы было, когда
бы они уличили ихъ во лжѣ, хотя
въ одномъ повѣствованіи и сіе осно-
вательно доказать могли. Христіанст-
во отъ сего несравненно сильнѣйшій
получилобы ударъ, нежели отъ лжи-
вой Философіи, неисправной Логикѣ,
и еще болѣе отъ хуленія достойнѣй-
шей Реторики *Цельса, Порфирія и
Императора Юліана. И для того я
остаюсь при томъ, что величайшее
доказательство истинны Христіан-
скаго благочестія находится въ сла-
бости самыхъ людскихъ враговъ ея;

понеже они не могли ни чего пропиту ея представити дѣльнаго, и въ то самое время, въ которое наипаче могли и долженствовали сіе учинити.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Споръ между Христіанами и Деистами истинною или ложностію Воскресенія Христова совершенно разрѣшается.

Послѣ сихъ предварительныхъ на-
памятованій я примѣчаю, что доводъ,
взимаемый отъ Воскресенія Іисусова,
сугубое имѣетъ преимущество предъ
прочими; первое по тому, что онъ
кратокъ; второе, что онъ рѣшитель-
ленъ. Онъ кратокъ, понеже весь споръ
ограничивается однимъ пунктомъ. Рѣ-
шительненъ по тому, что уже не оспа-
ется случая къ дальнѣйшимъ возра-
женіямъ, естли онъ утвержденъ и-
ли опровергнутъ будетъ. Дабы объ-
сторонѣ въ томъ убѣдить, и купно
обязать съ величайшимъ вниманіемъ
ислѣдовать бытосказаніе, которое
для обоихъ толико важно; то я пред-
ставляю предъ ози слѣдствія, изъ ис-

истинности или ложности Воскресенія Христова происпекающія. (а) И для

(а) Христиане къ основательному изслѣдованію сей Истории могутъ быть возбуждены еще и слѣдующими пунктами: 1.) Спаситель Воскресеніе Свое Самъ, яко наяснѣйшій знакъ пославлялъ. Когда требовали отъ него знаменій, то онъ всегда врагамъ своимъ на него указывалъ Іоан. 2: 18, Матф. 12 и 15. 2.) Исполненіе Пророчествъ и Воскресеніе Христово были два главные основанія, коими Апостолы своихъ слушателей въ истиннѣ Евангелія убѣдить старались; всѣ ихъ благовѣствованія, которыя мы въ ихъ исторіи обрѣщаемъ, сіе доказываютъ. 3.) Глаголь благодати обѣщаетъ спасеніе тѣмъ, которые вѣруютъ въ сердцѣ своемъ, что Иисусъ Воскресъ Рим. 10. 9. Никто, знающій образъ словесъ писанія, чрезъ сіе другаго разумѣть не будетъ, какъ что надобно споль швердо быть увѣрену въ истиннѣ Воскресенія Христова, чтобъ симъ всѣ склонности воли подвижны были. 4.) Апостолы вся благая спасенія нашего, въ посланіяхъ своихъ, производили отъ Воскресенія Иисусова, а особливо утѣшеніе о будущемъ возстаніи плесе нашего 1 Кор. 15 и Павелъ совѣтуетъ Тимофею при его важномъ званіи особливо памятовать о Воскресеніи Иисусовомъ 2 Тимоф. 2 8. Чемъ болѣе кто въ томъ убѣжденъ, тѣмъ сильнѣе воспоминаніе.

того я равнымъ образомъ открою
сѣдствія поборающія по Деистъ или
Натуралистъ; какъ и шѣ, которыя
утверждаютъ вѣру Христіанина. Я
охотно рѣшусь сіе дѣло рассмотреть
въ двухъ различныхъ намѣреніяхъ,
дабы невѣрующіе познали изъ сего
мое безпристрастіе, и не могли меня
обвинять въ томъ, что якобы я, по
предупрежденію, умалчиваю то, что
можетъ служить къ ихъ пользѣ, или
изъ хипрости сокрываю то, что бы
могло вредить моей спорнѣ. Я ска-
жу откровенно: я не знаю, какую бы
опасность могла имѣть Христіанская
вѣра отъ того, когда о семъ гово-
рятъ съ такою свободою, каковую
только справедливость и истинна до-
пускаютъ. Если бы я видѣлъ при
томъ опасность; то бы оставилъ
исповѣданіе Христіанства. Ибо я не
понимаю, какую Божественная вѣра
имѣетъ нужду во лжѣ или прихворст-
вѣ къ своему защищенію? Были, и еще
и нынѣ есть въ свѣтѣ нѣкоторыя ис-
повѣданія, для коихъ прикраса и съ
добрымъ намѣреніемъ предприемлемый
обманъ, (b) сколько нужны, столько

(b) Aeschyl uid Gale opusc Mythol.

и полезны были. Симъ религіямъ сродно, чтобъ онъ не совсемъ себя обнаруживали. Ревность и благоговѣіе ихъ послѣдователей подтверждаются не инымъ чемъ, какъ только ослабленіемъ. Языческій Стихотворецъ сказалъ: 2) что таковой съ добрымъ намѣреніемъ бывающій обманъ его Юпитеру пріятенъ, и что изобрѣтшіе оный, имѣютъ въкогда за сіе увѣнчаны быть честію.

Христіанское благочестіе таковыхъ уловокъ не требуетъ и не употребляетъ. Его Божественный виновникъ не хочетъ, чтобы оно ими пользовалось; но какъ оно во всемъ согласно съ истинною, то едина истинна и должна служить къ его защищенію. И такъ я не усумнюсь Деисту все то уступить, чего справедливость, истинна и здравый разумъ въ разсужденіи его отъ меня пребудутъ.

стр. 720 изд. въ Амстер. Богъ не отвергаетъ обмана по причинамъ добрымъ. Придетъ время, въ которое Богъ время лесни чинить будетъ. Замѣтитъ надобно, что оба сіи стихи скаланы Пифагорейцомъ, и что Ешилъ, который самъ былъ послѣдователь Пифагоровъ, не былъ отнюдь глупый язычникъ, какъ можно видѣть у Фабриція въ Грех. библ. кн. 2 гл. 16 и другихъ мѣстахъ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Если предположить, что Воскресеніе Іисуса Христа истинно, то послѣдствія, изъ онаго произтекающія, совершенную отдають Христіанину побѣду, а невѣріе оставляютъ беззащитнымъ.

Я начинаю тѣмъ, что предполагаю Воскресеніе Іисусово истиннымъ. Мы потѣ часъ увидимъ, что опшуду слѣдуетъ въ разсужденіи Христіанъ, то есть:

1.) Великой споръ о Божественномъ происхожденіи ихъ вѣры будетъ совершенно рѣшенъ въ ихъ пользу. Ибо, если Іисусъ воскресъ, то надлежало быть ему посланнымъ отъ Бога, дабы совершить въ міръ великое оное дѣло, которое онъ объявилъ причиною своего пришествія. Обманщикъ никогда бы не получилъ отъ Небесъ столь славнаго полномочія, какъ воскреснуть, что необходимо должно было быть дѣйствіемъ всемогущества. Если бы его посланіе было вымышленное, то Богъ никогда не запечатлѣлъ бы Своею пе-

частью сего обмана, и не употребилъ бы Своея власти къ тому, чтобъ сдѣлать его имовѣрнымъ. Но еслии Иисусъ посланъ отъ Бога, то и его ученіе есть истинно, и его законы обязываютъ всѣхъ людей, которымъ они возвышены и объявлены, къ повиновенію. Ибо вѣстникъ, посланный Небесами, долженъ быть вѣренъ и совершенъ и искрененъ, и ни какимъ образомъ людей не можетъ ни чему учить и ни чего имъ повѣлывать, какъ только то, что съ намѣреніемъ и волею пославшаго совершенно сходствуетъ.

2.) Все, что намъ Евангеліе въ разсужденіи будущаго обѣщаетъ, почто исполнился. Безпогрѣшительно можно отъ искренности и правоты того, который намъ сіи обѣщанія учинилъ, заключить и о извѣстности исполненія оныхъ. Мы видѣли, что Иисусъ, подположивъ истину Его Воскресенія, есть посланникъ Божій: а отсюда и явствуетъ, что ему должно вѣрить, и на все то, что онъ о будущей жизни говоритъ, съ совершеннымъ упованіемъ положиться.

3.) И такъ Христіане, которые ученію Иисуса Христа послѣдуютъ,

и повинуются Его законамъ, не только не подлежатъ ни какой опасности, но еще суть благоразумнѣйшіе изъ всѣхъ людей. Если имъ, при вѣрномъ наблюденіи долга своего, въ семъ мірѣ предстоятъ нѣкоторыя огорченія, то они увѣрены, что они для нихъ въ будущемъ съ избыткомъ услаждены—будутъ, когда благочестіе и добродѣтель, свѣтомъ симъ презираемая и гонимая, увѣнчаются въ возмездіе славою обѣщанною намъ Евангеліемъ. Ето правда, что сія надежда представляетъ намъ то, чего мы не сильны понять, а менѣе еще изрещи; однакожъ нѣтъ ни одной изъ сихъ вещей, которая бы была столь велика, чтобъ истинные Христіане Воскресеніемъ Иисусовымъ въ справедливости ея не могли быть совершенно увѣрены.

Теперь посмотримъ, что отсюда выходитъ въ разсужденіи Деистовъ:

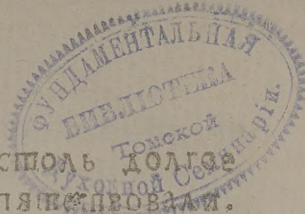
1.) Они не только проигрываютъ споръ, но и блаженную вѣчность. Ихъ упорство въ невѣріи, подвергаетъ ихъ всей строгости наказанія, которое непреклонному нераскаянію возвышаетъ Евангеліе, котораго угроженія столь же должны быть неложны, какъ и

объѣты его, естли предложено будетъ Воскресеніе Іисусъ Христово. Безъ сомнѣнія сіе заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе: Іисусъ Христосъ не болѣе общался наградить тѣхъ, которыхъ онъ возлюбилъ, какъ и всею суровостію несчастія наказать тѣхъ, которые заслуги его и спасеніе, имъ отъ него предлагаемыя, отвергнутъ. Я теперь не буду рѣшить: Евангеліе естли Божественный законъ или только обманъ? Я только говорю, что здѣсь опасаться должно излишней отважности, когда угроженіе съ такою ясностію и точностію произнесены, что по крайней мѣрѣ подумать надобно, что сіе уривненіе заслуживаетъ наивнимательнѣйшее изслѣдованіе и самыя тщательнѣйшія размышленія.

2.) Естли Воскресеніе Іисуса Христа естъ безсомнѣтельно, то невѣрующій не избѣгнетъ крайней опасности, когда онъ ученія Евангелѣскаго не признаетъ истинными Божественными, и всѣмъ его повелѣніямъ не покорится. Давъ онъ сіе учинать могъ, то долженъ со всевозможнымъ раченіемъ и твердостію стараться освободить себя отъ предразсудковъ

3881.

25

и отвращенія, которыя сподѣ дологое
время ему въ томъ препятствовали.
Онъ долженъ перестать выискивать
для себя разныя убѣжища, долженъ
обуздать духъ распри; но напротивъ
глаголамъ ошкрованія внимать съ кро-
тостію, и памятовать, что хотя
безпредѣльная премудрость и благость
Божія никогда не можетъ обязать
насъ вѣрить чему нибудь такому,
что дѣйствительно безумно и само
себѣ противорѣчуще, или дѣлать то,
что противно разуму, однакожъ,
что не взирая на сіе, можемъ быть
обязаны вѣровать и исполнять много
такого, что по законѣлымъ предраз-
судкамъ нашимъ представляется намъ
какъ бы глупымъ и противнымъ ра-
зуму, и что таковымъ признаемо бы-
ваетъ по той причинѣ; что мы о
путяхъ Божіихъ рассуждаемъ съ лиш-
комъ много, приснаровляя ихъ къ
путямъ человѣческимъ. Должно, какъ
я думаю, уступить мнѣ, что приве-
денныя послѣдствія правильны и не-
принужденны, если предположено бу-
детъ, что Воскресеніе Іисуса Христа
есть несомнѣнная истина. И такъ я ос-
новываю на томъ еще слѣдующее при-
бавленіе.

Г

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Холодность духа, которую невѣрующій оказываетъ въ разсужденіи сей исторической истинны, и по причинѣ которой онъ оставляетъ ея изслѣдованіе, ничемъ извинена быть не можетъ.

Поелику невѣрующій столь великой подвергается опасности, предположа истинну Воскресенія Христова: то и должно быть справедливымъ одному изъ сихъ двухъ, т. е. или что невѣрующій долженъ имѣть весьма ясныя и убѣдительнѣйшія доказательства, что сія исторія ни истинна, ни правдоподобна, или что спокойствіе, которымъ онъ, при таковой неизвѣстности, хвастаетъ, неприличествуетъ мудрому человѣку. Причина сему та, что его спокойствіе и беззаботливость въ таковыхъ обстоятельствахъ нисколько не основаны на мудромъ размысленіи. Спокойство мудраго, есть тишина, единообразное положеніе души, которое происходитъ отъ зрѣлаго разсужденія и внимательнаго разсмаприванія

обстоятельствъ. Когда человекъ, по
довольномъ обо всемъ разсужденіи, и
по прилежномъ разсмотрѣніи всѣхъ
обстоятельствъ, ничего не находитъ
такого, чтобы должно было все-
лять въ него страхъ, безпокойство
или тайную тоску; то сіе я назы-
ваю спокойствіемъ, изъ основательна-
го разсужденія производимъ; вся-
кое же спокойствіе духа, которое
иное имѣетъ начало, по справедли-
вости иначе не можетъ быть назва-
но, какъ Механическимъ спокойстві-
емъ, по тому, что оно происходитъ
или отъ невѣденія, или презрѣнія
къ опасности, или отъ нѣкотораго
нарочно произведеннаго состоянія въ
тѣлѣ, которое препятствуетъ душѣ
о семъ мыслить. Но коль печально
есть сіе послѣднее начало! Коликаго
сожаленія достойно, когда духъ свой
иначе успокоить можно, какъ шаль-
нымъ образомъ, дѣлая его неспособ-
нымъ къ разсмаприванію тѣхъ при-
чинъ, кои осуждаютъ наше спокой-
ствіе! Это для меня кажется все
равно, какъ будтобы видѣлъ упив-
шагося человека на скалѣ стремни-
стой скалы, погруженнаго въ глубокой
сонъ, которой спитъ тамъ для

того такъ безопасно, поелику онъ лишился всего своего разума. Когда чувственной части челоуѣка даютъ господствовать, то душу, безъ дальняго труда, можно погрузить въ недѣлятельность, или мертвенную дремоту, которая влечетъ за собою пріятную нечувствительность, не взирая ни на что могущее насъ безпокоить, скольбы оно въ прочемъ ни было важно. Такъ видѣли нѣкогда преступника, который при помощи оня, пріятнаго имъ прежде, нежели онъ пришелъ на мѣсто испязанія, съ удивительнымъ хладнокровіемъ взираетъ на ужасъ мученій и дополъ питалъ въ себѣ пріятныя понятія о раѣ дураковъ, доколѣ смерть его не пробудила. Но то, что сей несчастный законовъ нарушитель дѣлалъ, не естъли между тѣмъ дѣисвіе опчаянія? Завидуютъ ли его мнимому удовольствію? Или можноли сказать о челоуѣкѣ, кѣобы онъ въ прочемъ таковъ нибылъ, что спокойствіе его духа естъ умное, когда онъ, будучи угрожаемъ ужаснымъ бѣдсвіемъ, коего опасность со дня на день умножается, все однакожъ о томъ мысли изъ головы вонъ выбрасыва-

етъ и только старается себя разве-
селять?

Я не упоминаю теперь, что въ
свѣтѣ семъ нѣтъ такой опасности,
котораябы равнялась той, какую не-
вѣрующей навлекаетъ на себя въ
томъ свѣтѣ. Но я спрашиваю толь-
ко о его дурачествѣ, не одноголи
оно роду съ тѣмъ, которое теперь
лишь представилъ? Если я не на-
хожу тутъ никакого различія, ежели
не будетъ онъ твердо и совершенно
увѣренъ, что нѣтъ ни одного ис-
тиннаго слова во всемъ повѣствованіи
о Воскресеніи Іисуса Христа. Ибо,
если сие повѣствованіе есть ис-
тинно, то онъ знаетъ, какія за со-
бою влечетъ послѣдствія его упор-
ное невѣріе. Но если его важныя
причины заспаваютъ опровергать
сие быпосказаніе, то не можно по-
нять, для чего онъ никогда не были
удостоены чистосердечнаго открытія
и обнародованія? Деисты должныбы
были ихъ намъ сказать. Сей посту-
покъ большебы имъ принесъ чести,
и свѣту не столькобы былъ досади-
теленъ, какъ ихъ обыкновенный спо-
собъ, по которому они вмѣсто ра-
зумныхъ заключеній предлагаютъ шуш-

ки. Если бы они могли безъ наказанія осмѣивать вѣру своего опечеснѣвшаго; то безъ сомнѣнія могутъ они вѣрить, что равномерно нѣчего имъ опасаться, какъ разумнымъ людямъ, любя и ища истинны, противопоставлять ей доводы. Откудажъ сіе происходитъ, что они, когда вещь самая не можетъ быть важнѣе, когда столько много есть случаевъ и средствъ съ обѣихъ сторонъ предлагать то, что почитается наисильнѣйшимъ, когда умныя доказательства произвели бы менѣе досады и больше убѣжденія; откудажъ бы сіе, говорю, происходило, что невѣрующіе довольствуются только презрѣніемъ и осмѣваніемъ противной стороны? Всякъ способный къ размышленію, долженъ изъ сего ихъ поступка заключить, что они сами несумнительнымъ образомъ вѣруютъ въ истинность Воскресенія Христа не увѣрены. Сіе послѣдствіе, которое теперь кажется только еще разуму непротивнымъ, получитъ совершенную достовѣрность чрезъ доказательства, которыя я надѣюсь представить въ послѣдствіи о несумнительной истинѣ Воскресенія Иисуса Христа.

Я присовокупляю еще, что внутренній покой нашихъ невѣрующихъ не можетъ быть самоудовольствіемъ разумнымъ, естлибы только и небольшую нѣкоторую вѣроятность имѣло бытосказаніе о Воскресеніи. Ибо, естли сіе бытосказаніе хотя нѣсколько вѣроятно; то столькоже вѣроятно и то, что они должны спрашиваться наказаній, коими Евангеліе угрожаетъ его презрителямъ. Да и можетъ ли одна вѣроятность такого бѣдствія, осмѣивать людей, имѣющихъ открытыя глаза, хотя въ нѣкоторомъ покоѣ? Могъли бы чело-вѣкъ, долженствовавшій, при первомъ открытіи его мѣстопребыванія, лишиться свободы, имѣнія и жизни, быть безъ опасенія и болѣзни въ укрыищѣ своемъ, естлибъ ему кто вибуди сказалъ: хотя ты здѣсь, по видимому, и безопасенъ, однако вѣроятно, что тебя съшуютъ. Не воспренемали ли бы самые наши Деисты, столь себя неуспрашаемыми представляющіе, естли бы они въ подобныхъ находились обстоятельствахъ? Нужно ли было что нибудь еще большее, дабы воздѣйствовать въ нихъ, какъ ужасу, такъ и желанію лучша-

го убѣжища? Въ таковомъ случаѣ нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ досто- вѣрность о безопасности своей. Какъ же можно спокойно жить въ неиз- вѣстности, когда дѣло идетъ о вѣч- номъ щастіи или вѣчномъ несчастіи? Еслибъ безъ вѣры могли рѣшиться, оставивъ на нѣсколько минутъ из- дѣвки свои и глумительства; чтобы они увидѣли, легколи или трудно доказать, что исторія о Воскресеніи Иисуса Христа не имѣетъ нисколько- шего вида истинны? Ето такъ труд- но, что я не сомнѣюсь увѣрить ихъ, что ни одинъ изъ обѣщающихъ то- го не исполнитъ. Я утверждаю, что вовсе того не исполнитъ. Онъ не- опомѣнно попадетъ будетъ на такія очевидно ложныя заключенія, что его удобно можно будетъ въ томъ изобличить изъ собственныхъ его по- нятій и мнѣній, каковыя онъ при- нялъ о другихъ вещахъ.

Я не намѣренъ здѣсь предлагать уже того, что я ниже буду гово- рить о имовѣрности сего бытосказа- нія, когда я стану доказывать истин- ность его достоверность. Мѣсто, которое я оставляю для сего предмѣта, тамъ гораздо будетъ приличнѣе. Теперь

довольно будетъ для меня, что я невѣрующимъ представилъ необходимую ихъ обязанность, если только не хотятъ, чтобъ объ нихъ сказали, что они жизнь свою проводятъ въ одной только Механической безчувственности.

Станься можетъ, они моглибы возразить, что сіе самое заключеніе можетъ быть употреблено и противу Христіанъ, когда только обратимъ оное такъ: если Воскресеніе Іисуса Христа есть ложно, то Христіанинъ долженъ спрашиваться: какой же опасности, какою угрожаетъ невѣрующему справедливость оного. И какъ слѣдственно онъ одинаково же колеблется неизвѣстностію, то и не можетъ сходственнымъ съ разумомъ образомъ наслаждаться покоемъ. На сіе служатъ въ отвѣтъ двѣ вещи:

1. Мы увидимъ въ послѣдствіи, имѣютъ ли Христіане или не имѣютъ на достовѣрность сей исторической истины такія доказательства, которые необходимо заставляютъ ихъ вѣрить оной, если только она хотитъ поступить согласно съ разумомъ. Если они имѣютъ такія доказательства, то внутрен-

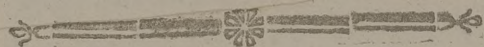
ній покой ихъ таковъ, каковому у мудраго и благоразумнаго челоуѣка быть должно.

2. Я пошчасъ буду изслѣдывать со всею строгостію ту опасность, о которой невѣрующіе говорятъ, и которой спрaшиться должны; естли мы въ разсужденіи Воскресенія Іисуса Христа обманываемся; а между тѣмъ мы только упомянемъ, что естли они имѣютъ твердое и конечное намѣреніе, ни чего не допусая, какъ только что изъ совершенно несомнительныхъ началъ происходитъ, то мы ни чего болѣе и не желаемъ. Такимъ образомъ я надѣюсь столь важныя предложитъ вещи, что они болѣе не будутъ дѣлать такого возраженія, котораго начало со всемъ не доказано, и которое, коротко сказать, состоитъ изъ однихъ только словъ, неимѣющихъ ни силы, ни важности.

По сіе мѣсто я разсматривалъ одни только слѣдствія, которыя изъ Воскресенія Іисуса Христа произтекаютъ, подположивъ, что оно истинно.

Теперь я сдѣлаю обороты, и съ такимъ же безпристрастіемъ разсма-

привать буду, что изъ того слѣ-
дуетъ, естли предположить, что
Воскресеніе Іисуса Христа есть ложно.

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

Естли подположить, что Вос-
кресеніе Іисуса Христа есть
ложно, то невѣрующіе постула-
ютъ весьма благоразумно. Ест-
ли Воскресеніе Іисуса Христа
есть ложно; то вотъ что изъ
сего слѣдуетъ:

1. Должно оставить совсемъ
защищеніе Евангелія такъ, какъ оно
уже будетъ недостойно, чтобъ за
него вступаться, ниже сильно болѣе
себя защищать.

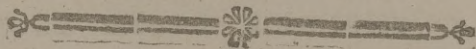
Ибо, естли Исторія, которая
всѣмъ его частямъ служитъ основа-
ніемъ, есть ложна и обманывающа,
то и прочее все не другое что бу-
детъ, какъ обманъ. И нѣтъ болѣе
нужды сомнѣваться и себя затруд-
няясь, чтобъ отъ него отрешись.

2. Конечно, сколь мало Деистъ
или Натуралистъ имѣетъ нужды

тогда страшишься угрозъ Евангелія, столькожъ мало Христіанинъ можетъ ласкаться его обѣщаніями. Сии обѣщанія и угрозы ничего уже болѣе значить не будутъ, понеже они составляютъ часть той системы, которая при подположеніи выше-объявленнаго не что иное будетъ, какъ грубая связь обмановъ.

3. Еслии далѣе заключать по условію, то должно признаться и въ томъ, что тѣхъ, кои отвергаютъ Христіанскую вѣру, во многихъ отношеніяхъ должно называть благоразумнѣйшими и счастливѣйшими предъ тѣми, которые оную принимаютъ.

Еслии о вещахъ разсуждать безпристрастно и съ надлежащею строгостію, то о благоразуміи и благополучіи не можно судить по теперешнему состоянію, или по наружному виду, но по окончанію и послѣдствію вещей.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

Естьли Воскресеніе Іисуса Хрис-
та есть ложно, то Христіа-
нинъ отъ понесенныхъ имъ стра-
даній не имѣетъ ни какой пользы.

Первой доводъ займемъ мы отъ
многообразныхъ заключеній и терпѣ-
нія, которое въ семъ свѣтѣ съ ис-
повѣданіемъ Евангелія сопряжено.

Спаситель нашъ пренебрегалъ хит-
рости, коими бы Онъ могъ людей
привлекать къ своей вѣрѣ; еслибъ
Онъ хотѣлъ ихъ уловлять лестію,
и непреставалъ своихъ учениковъ съ
самого начала извѣщать о томъ, что
имъ въ служеніи его встрѣтятся
имѣетъ. Онъ предсказывалъ имъ са-
мыми ясными и впечатлительнѣйшими
словами, что любовь ихъ къ нему
весьма имъ дорого будетъ стоить.
(а) и безъ сомнѣнія навлечетъ на
нихъ ненависть и гоненіе цѣлаго
свѣта. Сіе самое повторяется въ ты-
сячъ различныхъ мѣстахъ Евангелія:
Апостолы то же самое дѣлали во

(а) Матф. 10. 21 39.

всѣхъ бѣсѣдованіяхъ своихъ и посланіяхъ. Они свидѣтельствовали, (b) что при исповѣданіи Христіанства, и при повиновеніи заповѣдямъ его, ни пользы въ свѣтѣ, ни чести отъ людей ожидать не лзя; они вѣдали еще болѣе (с) что всѣ хотящіи о Христѣ Іисусѣ благочестно жити гонимы будутъ. Извѣстно, что сіи предсказанія съ избыткомъ исполнялись.

Сіи произшествія столь извѣстны, что меня удобно освободятъ отъ труда ихъ доказывать. Большая часть церковной исторіи послѣднихъ семнадцати вѣковъ ихъ утверждаетъ, и каждый удобно можетъ съ первыми источниками справиться.

Между тѣмъ я во угожденіе тѣмъ, которые ни кому не хотятъ вѣрить, кромѣ языческихъ дѣписателей Греческихъ или Латинскихъ, приведу одного, который довольно о семъ подаетъ извѣщеніе и ни мало не можетъ быть подозрѣваемъ, чтобъ онъ благопріятствовалъ Христіанамъ.

(b) Колосс. 3. 1. 4.

(с) 2^я къ Тимоф. 3. 12.

Я разумѣю Тацита, (d) Неронъ, го-
 воритъ онъ: „желая истребить
 „ слухъ, (которой его обвинялъ, что
 „ будто бы онъ самъ повелѣлъ за-
 „ жечь Римъ,) сложилъ вину на
 „ тѣхъ, коихъ чернь называла Хрис-
 „ тианами, и которые, по причинѣ
 „ ихъ безчинствъ, были ему нена-
 „ вистны. Онъ караѣ ихъ всевообра-
 „ зимѣйшими мученіями. Они неполь-
 „ ко были умерщвляемы, но еще
 „ должны были погибать съ посмѣя-
 „ ніемъ. Закутывали ихъ въ кожи
 „ дикихъ звѣрей, и такимъ обра-
 „ зомъ бросали на разтерзаніе псамъ,
 „ или ихъ прибавали ко кресту, или
 „ сожигали такъ, что они по за-
 „ хожденіи Солнца должныствовали
 „ служить вмѣсто пламенниковъ. „

(d) Ergo abolendo rumori; Nero
 subdidit reos, et quaesitissimis poenis
 affecit, quos per flagitia inuisos,
 vulgus Christianos appellabat. —
 Et pereuntibus addita ludibria, ut fe-
 rarum tergis contexti laniatu canum
 interirent, aut crucibus affixi, aut
 flammandi atque ubi defecisset dies,
 in usum nocturni luminis urerentur.
 Tacitus ann. XV. 45.

Ето правда, что сей дѣсказатель говоритъ о Христіанахъ, какъ о людяхъ весьма ненавистныхъ. Но известно, что сочинитель сей сколько онъ въ родъ своемъ ни превосходитъ, однако иногда частію своимъ предразсудкамъ, частію тайному злобствованію своему слѣдовалъ. Что онъ на другомъ мѣстѣ о Іудеяхъ и о бѣгствѣ ихъ изъ Египта подъ предводительствомъ Моисея повѣствуетъ, довольно показываетъ, что тому, что онъ здѣсь худова о Христіанахъ пересказываетъ, вѣришь не лзя.

Когда состояніе Христіанской вѣры было таково, какъ я оное описалъ, то явствуетъ, что люди бывшіе при полномъ умѣ своемъ, и при томъ не изъ самыхъ глупыхъ, люди любовію самихъ себя и природою, такъ какъ и всѣ прочія творенія, къ храненію себя и бытія своего движимые, что таковые люди, говорю я, не подвергли бы себя шолікому бдствованію, есѣли бы они чаяніемъ будущаго возмездія къ тому побуждены не были.

Но что будетъ изъ сего возмездія, есѣли Воскресеніе Іисуса Христа

не есть истинно? Не имѣлъ ли причины Павелъ, сей отъ Христіанъ бо-
 годухновеннымъ почитаемый мужъ,
 заключить, что Христіане, еще въ
 животѣ семъ почитію уповающе сущъ
 во Христа, окаяннѣйши всѣхъ чело-
 вѣковъ сущъ? (f)

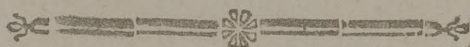
Сказать могутъ, что вещи те-
 перь совсемъ въ другомъ положеніи,
 и что Христіанство уже болѣе не
 гонимо: ибо де нынѣ великіе люди
 ему преданы и ему покровительст-
 вуютъ. Сіе я признаю. Но что изъ
 того слѣдуетъ? Не останется ли меж-
 ду тѣмъ сія вѣра все таковою же?
 Престалъ ли свѣтъ ея ненавидѣть?
 и сія ненависть не произвели бы
 столь же ужасныхъ дѣйствій, естли
 бы тотъ, который укрощаетъ ярость
 морей и полагаетъ препоны неистовст-
 ву народовъ, не предупреждалъ и не
 отвращалъ мудрымъ своимъ прови-
 дѣніемъ грозящую (g) гибельную
 бурю? Сверхъ того памятовать на-
 добно, что заповѣдь Евангельская
 есть всеобща; что она всѣхъ вѣрую-
 щихъ обязываетъ быти къ спраданію

(f) къ Коринф. 15. 19.

(g) Псал. 49.

готовыми, и что никто не можетъ быть истиннымъ ученикомъ Іисуса Христа, еслии не отвержется самаго себя, не возметъ на себя креста учителя своего, и ему, еслии нужда того требуетъ, среди тернія и по наипаснѣйшимъ путямъ во слѣдъ не идетъ.

Еслии сей первой доводъ взять во всемъ его пространствѣ, то онъ во всякое время будетъ имѣть свою силу, хотя иногда бывающъ часы, въ которые Солнце сіяетъ на Христіанина и міръ оказываетъ ему свое благопріятство.

СТАТЬЯ ОСЬМАЯ.

Еслии Воскресеніе Іисуса Христа есть ложно, то Христіанинъ столь же мало имѣетъ пользы отъ тяжкаго ига, несомаго имъ.

Мы простираемся къ другому доводу, которой взять отъ обязанности Христіанина исполнять всѣ должности Евангелія, и совершенно

повиноваться предписаніямъ его. Когда напропивъ того Деистъ, яко свой собственный господинъ, отъ труда сего свободенъ, и безъ всякой тягости и насилія- свѣтомъ симъ пользуется.

Сколько бы Христіанское нравоученіе основательно, сколько бы согласно съ разумомъ ни было, и сколько бы въ немъ красотъ ни обрѣмалось, естли разсматривать его безъ предубѣжденія и безъ страсти; однако удивляться не должно, что оно для нѣхъ кажется сурово и скучно, которые разсматриваютъ его только поверхностно, не взирая ни на конецъ его, ни на намѣреніе.

Заповѣди Іисусовы ограничиваютъ какъ наши склонности и мысли, такъ и жизнь нашу и наши вѣшнія дѣянія. Онѣ даютъ право Богу наиспрожайше разбирать и разсматривать тайныя движенія души, которыя предъ судомъ свѣта укрываются. Въ системѣ Евангелія (а) злодѣяніе намѣреваемое, есть уже дѣйствительное злодѣяніе. (б) Неправедное

(а) Матф. 5. 23.

(б) Римл. 7. 7.

пожеланіе вещи есть неправота; (с) духъ мщенія смертоубійство; (d) клевета и ложь студныя дѣла плоти; (е) поврежденіе добраго имени ближняго своего столь великая обида, какъ воровство и хищеніе, (f) но отверженіе самаго себя и вещей наипріятнѣйшихъ въ жизни, есть главный долгъ, безъ исполненія котораго не можно съ справедливостію надѣяться имѣть части со Спасителемъ. Коликаго труда ни стоить обуздать господствующія склонности, и нанесенную намъ обиду совсемъ забыть? Сколь трудно преодолѣть побужденіе ко мщенію, когда средства опмщевать въ рукахъ своихъ имѣемъ? Сколь неохотно рѣшимся мы за зло воздавать добромъ, и koliko сопротивляемся природа, когда своихъ супостатовъ должно осыпая благодѣянiями? Но это еще не все. Евангеліе пребуемъ отъ насъ возвышенности души, благородной безкорыстности, съ которою подлое

(с) Іоан. 3. 15.

(d) Гал. 5. 10.

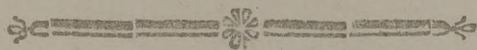
(е) Іак. 4. 11.

(f) Матф. 16. 24. 25.

самолюбіе, коего мы бываемъ всегдаш-
 ніе рабы, вмѣстѣ никогда быть не
 можетъ. Ревностное желаніе и нѣж-
 ныя попеченія нашихъ душъ, не дол-
 жны ограничиваться только нами са-
 мими; ближній долженъ имѣть въ
 нихъ свое участіе, и мы обязаны его
 любить такъ, какъ самихъ себя, ра-
 доваться о его благополучіи, въ его
 щастіи и несчастіи брать участіе,
 принимать на себя бремя его, или по
 крайней мѣрѣ вспомошествовать ему
 сносить оное.

Столь же спрудно, когда Еванге-
 ліе обязуемъ насъ стать выше
 искушеній свѣта, презирать какъ у-
 грозы его, пакъ и прелести, среди
 опасностей быть неустрашимыми, и
 жертвовать обязанности нашей въ
 разсужденіи Спасителя всемъ, даже
 самымъ налюбознѣйшимъ и нужнѣй-
 шимъ, когда мы того, безъ наруше-
 нія должной къ нему вѣрности, удер-
 жать не можемъ. Не должны ли мы
 также охранять сердце наше противу
 вредныхъ вліяній, каковыя всѣ окру-
 жающіе насъ предметы на него имѣть
 могутъ, и среди пышности и
 веселій, копорыя встрѣчаются намъ
 въ семъ свѣтѣ, на все съ толикимъ

равнодушіемъ взиранъ, какъ путеше-
ственникъ и странникъ, коего воля
и желаніе устремлены единственно
къ своему отечеству? Словомъ: коль
высоко должны подняться мысли на-
ши и понятія, дабы мы жили вѣ-
рою, а не видѣніемъ, дабы мы жела-
ніемъ нашимъ прилѣплялись невиди-
мымъ благимъ въ то самое время, ко-
гда мы что ни видимъ, убѣждаетъ
насъ оныя забыть, дабы мы въ сми-
реніи нашъ разумъ непостижимымъ
таинствамъ, нашу волю Божескому
благоволенію, и наши желанія правле-
нію его безконечной премудрости пока-
рали!

СТАТЬЯ ДЕВЯТАЯ.

*Важнѣйшія и труднѣйшія долж-
ности Христіанъ относятся къ
упованію будущей жизни.*

Всѣ сіи столь великія и столь
особливыя должности весьма удиви-
тельно сходятся съ предложен-
нымъ намъ упованіемъ, и не можно
представить себѣ ни какихъ другихъ

которыя бы насъ лучше къ нему могли приуготовить.

Я признаюсь, что Христіанское нравоученіе, и не относясь къ истинности или ложности вѣры, такъ хорошо расположено, что оно чрезвычайно способно къ содѣланію насъ въ семъ свѣтѣ щастливыми. Ибо сіи прекрасныя чувства любви къ Богу и ближнему, сіе благородное возвышеніе души, сіе глубокое почтеніе къ высочайшему существу, и благо-разумная внимательность къ будущему, сіи воодушевленія, которыя оно въ насъ влагаетъ, необходимо должны подавлять подлыя оныя и скопскія склонности, которыя суть единственная вина сего безпокойства и безпорядка въ свѣтѣ.

Даже можно здѣсь примѣнить, что Евангеліе даетъ новую силу обязанностямъ закона естественнаго. Оно сообщаетъ ему лучшія побужденія; оно опредѣляетъ его преступникамъ тягчайшія наказанія, и такимъ образомъ споспѣшествуетъ, съ своей стороны, благосостоянію чело-вѣческаго общества, всѣхъ членовъ онаго безъ извѣстія руководствуя какъ къ повиновенію законамъ, такъ

и къ дѣланію взаимно другъ другу добра.

Но можно ли сіе сказать о тѣхъ должностяхъ Евангелія, которыя пребуютъ, чтобъ совершенно предаться воли Божіей, нести Крестъ Іисуса Христа, и смирать свой разумъ, дабы можно было вѣровать таинствамъ?

Естьли надежда вѣчности погибаетъ, то должности, которыя ее единственною имѣютъ цѣлю, будутъ бесполезны, и съ нею вмѣстѣ изчезнутъ, да и трудъ, который должно употреблять для ихъ исполненія, будетъ дѣлать ихъ совершенно обременительными, и вредными для тѣхъ, которые обязаными себя почитаютъ оныя исполнять. Сіе опіудъ не противорѣчитъ вышесказанному, то есть, что не взирая на истинность или ложность вѣры; ея нравоученіе чрезвычайно много способствуетъ къ временному благоденствію людей. Мысли, каковыя вѣра влагаетъ чловѣку, могутъ быть, и дѣйствительно суть способы содѣлать весь свѣтъ спокойнымъ и довольнымъ; хотя бремя ея тѣмъ, кои оное на себя возлагаютъ, и опягошительно.

Какихъ людей можно назвать счастливыми? тѣхъ ли, кои склонностиамъ своимъ позволяютъ всякое удовольствіе, закономъ естественнымъ невозбраняемое, не удерживаясь нещепными многотрудными должностями? или тѣхъ, кои строжайшимъ закономъ ограничиваются, и жизнь свою проводятъ въ исполненіи такихъ добродѣтелей, отъ которыхъ они никогда никакой не получаютъ пользы? Мы отрицаемъ не будемъ, что тотъ въ семъ свѣтѣ живетъ совершенно благополучно, кто живетъ въ удовольствіи безъ сѣбшенія и боязни. И по тому я говорю, что невѣрующіе, еслии вѣра есть ложна, могутъ столь же спокойно, какъ и свободно жить, когда только не будутъ преступать предѣловъ, вѣчнымъ закономъ Природы и разума намъ предписанныхъ. Угроженія Евангелія покой ихъ возмущить не могутъ; понеже его заповѣди ничего тогда значить не будутъ, еслии Воскресеніе Іисуса Христа есть ложно. Безспорно, что Деистъ въ семъ случаѣ великую имѣетъ выгоду въ свѣтѣ предъ Христіаниномъ.

СТАТЬЯ ДЕСЯТАЯ.

Хотя бы должности сіи, относящіяся къ будущей жизни, отъ правоученія и были отдѣлены; однакожъ симъ еще не уничтожилось бы то, къ чему мы естественнѣе обязаны, и что въ свѣтѣ семъ нужно къ общему и частному благу.

Я уповаю, что предложенное мною ни мало несумнительно, и что попому мнѣ не будутъ приписывать, аки бы я думалъ, что можно свергнуть съ себя иго естественныхъ законовъ, когда не будетъ признаваемо другой жизни, или, что позволительно человѣку предаться всѣмъ своевольствамъ, и жить подобно скоту, если онъ понятіемъ о блаженномъ безсмертіи управляемъ не будетъ.

Сія одна мысль приводитъ меня въ ужасъ, и я увѣренъ, что нѣтъ Христіанина, который бы о семъ уже не такимъ образомъ рассуждалъ, какъ я.

Я въ томъ извѣснюсь. Трудно будетъ меня увѣрить, что обязанности или побужденія, нудящія насъ къ наблюденію всеобщихъ должностей нравоученія и закона еспіснѣннаго, пропадающъ или истребляющъ, когда престающъ вѣровать другому состоянію послѣ сей жизни.

1.) Хотя бы и ничего по смерти не надѣялись, однакожъ сего вѣчно съ разумомъ и благопристойностію согласишь было бы не можно, естли бы мы Всевышняго, какъ виновника бытія нашего, не признавали, и не извѣляли Ему нашей благодарности за тѣ блага, которыя Онъ намъ въ сей жизни ниспосылаетъ. Мы обязаны Его прославлять и благодарить за благодѣянія Его, хотя бы Онъ намъ еще другія блага предпрѣдѣлялъ, или нѣтъ; довольно, что тѣ, которыя мы уже отъ Него дѣйствительно получили, заслуживаютъ нашу благодарность. Правда, чаяніе новыхъ благосшей, могло бы нашу признательность содѣлать горячайшею и ревностнѣйшею, однакожъ чувство благодѣяній, которыми мы наслаждаемся, доважѣтъ къ тому, что бы насъ всѣхъ безъ извѣтія, и

совершенно обязать къ сему долгу. И такъ мы къ должностямъ, которыя основаніе свое имѣютъ на созданіи, храненіи и провидѣніи Божіемъ, всегда обязаны, и причины сея обязанности не прежде престанутъ быть дѣйствительными, какъ съ уничтоженіемъ человѣческаго рода. Съ уничтоженіемъ упованія будущей жизни она столь же мало уничтожается, какъ и обязанность къ благодаренію за полученное благодѣяніе чрезъ то, что мы двухъ или трехъ еще ожидать не можемъ.

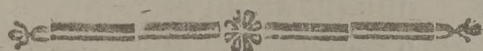
2.) Частное благо каждого и благо общественное необходимо требуютъ, чтобъ нравственные добродѣтели вѣрно были наблюдаемы. Умѣренность есть необходима, какъ для продолжительнѣйшаго наслажденія пріятностями жизни, такъ и для того, чтобы сдѣлать ихъ вышшими и ощутительнѣйшими. Безъ благоразумія ни положиться на то, чемъ владѣемъ, ни надлежащимъ образомъ пользоваться имъ не можно, ни умножить, ни защищать, ни пользоваться такимъ образомъ, чтобъ намъ сіе въ свѣтъ дѣлало честь. Благопривѣтливость и услужливость

дѣлаютъ насъ каждому любезными,
и располагаютъ другихъ оказывать
намъ услуги свои. Быть справедли-
вымъ и безпристрастнымъ ко всяко-
му, есть средство предохранять се-
бя отъ нападковъ и обидъ, и не
имѣть себѣ враговъ. Кто поступаетъ
иначе, тотъ непремѣнно долженъ
испытать тому противное; понеже
нѣтъ столь презрѣннаго и столь мало-
смысленнаго человѣка, который бы,
имѣя причину, противу насъ не огор-
чился, и когда нибудь не могъ за то
наилютѣйшимъ образомъ отмстить.
Учтивость, честь, благоразуміе и
собственная наша выгода, обязываютъ
насъ далѣе, вышшихъ почитать и
имъ повиноваться. Не упоминая о о-
пасности, которая сопряжена съ упу-
щеніемъ должности, мы должны час-
то жить такъ, какъ добрые и вѣр-
ные подданные; если мы иначе
частію составимъ наше щастіе, час-
тію потразимъ оное хотимъ, если
бы и ни какія другія разсужденія
насъ къ сему не побуждали; то до-
вольнобы было сіе одно насъ обя-
зать, жить какъ полезнымъ и мир-
нымъ членамъ общества, назидать
по возможности его благо, и со тща-

ніемъ отвращать отъ него вредъ, и:
е: что наше собственное благоденствіе
съ благоденствіемъ обществен-
нымъ такъ тѣсно соединено, что
члены всѣ болѣзни тѣла чувствуютъ
съ нимъ совокупно. Надобно при-
знаться, что иногда бываютъ такіа
низкіа души, которыя вступаютъ
въ согласіе съ врагами Государства,
и не удерживаются жертвовать имъ
своимъ опечеснствомъ такъ, что сіи
предатели иногда съ большимъ щас-
тіемъ свершаютъ дѣло свое, нежели
какъ они заслуживаютъ. Но это есть
нѣчто рѣдкое, и сей порокъ Богу и
человѣку, даже и тѣмъ самымъ, ко-
торымъ онъ доставляетъ выгоду,
есть столько ненавистенъ, что все-
ма не многимъ проходитъ сіе безъ
наказанія. Провидѣніе Божіе, поста-
новляющее всякаго человѣка въ та-
комъ состояніи, въ которомъ онъ
благу общественному наиболѣе можетъ
быть полезенъ, не оставляетъ рано
или поздно гнать таковыхъ людей;
и довольно часто случается видѣть,
что измѣну любятъ, а измѣнника не-
навидятъ.

И такъ, и не пріемля въ разсуж-
деніе будущую жизнь, есть весьма

сильныя побужденія, и весьма явственная обязанность, которая исполненіе нравственныхъ добродѣтелей дѣлаютъ необходимо нужнымъ. Доколѣ свѣтъ пребудетъ таковымъ, каковъ онъ есть, и доколѣ человѣческія сообщества будутъ продолжаться во вселенной, дополѣ люди будутъ имѣть причины, нудящія ихъ наблюдать правила благоразумія въ разсужденіи самихъ себя, и правила справедливости въ разсужденіи другихъ.

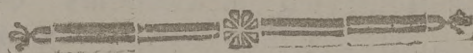
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ НАДЕСЯТЬ.

I) примѣчаніе для предвѣдущей матеріи. Руководство Евангельское способно къ усовершенствованію человѣческой природы.

Разсмотрѣвъ великость опасностей и долга, къ каковому Христіане въ свѣтъ семъ чрезъ исповѣданіе Евангелія призваны, я теперь намѣренъ сдѣлать два или три всеобщія примѣчанія о свойствахъ Христіанской

вѣры, и именно въ разсужденіи того, о чемъ мы говорили.

1. Очень ясно, что сіе руководство и наставленіе Евангельское наилучшимъ образомъ согласуется съ намѣреніемъ, исправить недостатки человѣческой природы, и дать ей все тѣ совершенства, которыя могутъ ее поставить на высочайшей степени превосходства и красоты, къ каковымъ только она способна. Очень бы худо меня разумѣли, еслибы думали, что я говорю по однимъ только понятіямъ, почерпнутымъ мною изъ Христіанскаго закона. Я чрезъ слово превосходства и красоты разумѣю нечто иное, какъ то, что, по сужденію всякаго умнаго и благоразсудительнаго, должно быть таковымъ признаваемо, не взирая ни на откровеніе, ни на положительныя законы Божества.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ НАДЕСЯТЬ.

2) Примѣчаніе. Наставленіе, даемое Христіанскимъ закономъ, относится къ предлагаемой намъ отъ него надеждѣ.

Ученіе Христіанской вѣры имѣетъ въ себѣ нѣчто еще особливаго, въ чемъ ей безпристрастные судіи отказать не могутъ, т. е. что оно непосредственно относится къ великому намѣренію, предположенному себѣ ею, и соспоящему въ томъ, чтобъ насъ сдѣлать способными къ будущему блаженству. Сколь ни мало понятія наши о Богѣ съ Величествомъ Его сходствуютъ, однако мы основательно можемъ думать, что состояніе искушенія, къ которому онъ насъ во времени семъ призвалъ, да содѣлаетъ щасливými, согласно съ его совершенствами. Преимущественная цѣль совершенства Евангельскаго, есть вѣчная слава, хотя въ прочемъ сіе совершенство весьма можетъ служить и къ временному благополучію.

СТАТЬЯ ТРЕТИНАДЕСЯТЬ.

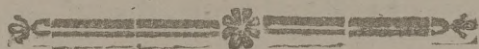
Доказательство на предвѣдущее,
взятое отъ вѣры, требуемое отъ
насъ.

Поелику состояніе, которое намъ
обѣщано во Евангеліи, столь много
отъ настоящаго различествуетъ, и
мы никогда не имѣемъ его перемѣ-
нить: то не другое что для насъ
остается, какъ только мало по малу
прибучить себя, со вниманіемъ о
томъ размышлять; несомнительнось
и дѣйствительную справедливость сихъ
будущихъ благъ въ душѣ своей твер-
до запечатлѣть, и особливо размыш-
лять о славѣ, которой Праведные и
Святые, намъ предшествовавшие, дос-
тигли. И сіе есть самое то, что по
естеству своему производитъ дѣя-
тельное благочестіе, такъ какъ и
житіе и мысли такіа, которыя нѣ-
которымъ образомъ сообразны бу-
дутъ тому роду жизни, въ кото-
рой мы вступимъ по выходѣ изъ се-
го свѣта.

Еслили наши дѣянія должны
быть праведны и непорочны, то долж-

но убѣжденіе разума непремѣнно по-
му предшествовать. И такъ, истин-
но ли ученіе Христіанъ, или ложно;
однакожъ сіе ихъ мнѣніе, что пови-
новеніе и добрыя дѣла, суть извѣст-
ныя слѣдствія нелицемѣрной и ис-
тинной вѣры, есть совершенная ис-
тинна. Много есть подобныхъ раз-
сужденій, показывающихъ, что вѣра
въ семъ нашемъ состояніи искуше-
нія есть необходима: ибо она нужна
и для того, дабы мы съ будущимъ
состояніемъ нашимъ лучше познако-
мились; и предохранили себя отъ
страха, которой бы мы почувствовали,
выходя изъ извѣстнаго намъ свѣта
совсѣмъ въ неизвѣстный. Не гораздо
ли лучше то, когда мы мѣсто, въ
которое отходимъ, напередъ узна-
емъ, нежели когда бы мы, какъ дѣ-
лаютъ невѣрующіе, въ мрачную безд-
ну повергались, и оставляли позори-
ще въ печальномъ сумѣніи: совершен-
но ли мы исчезнемъ, или получимъ
новую жизнь? Я не говорю, чтобы
Христіане въ часъ смерти не могли
имѣть такъ какъ и прочіе люди нѣ-
котораго страха, касательно будуща-
го жребія. Ибо отсюда, что Еванге-
ліе признаваемо будетъ Божескимъ

откровеніемъ, еще необходимо не слѣдуетъ, что и въ смерти своей должно отличать себя отъ другихъ людей, такъ какъ мы сіе обязаны были дѣлать въ жизни. Но я утверждаю, что вѣра приводитъ насъ въ состояніе, безъ страха умирать, и что она тогда намъ вдыхаетъ утѣшеніе, какъ между тѣмъ иногда и самые добродѣтельные Христіане, при приближеніи послѣдняго конца своего, содрогаются. Сіе по поущенію Божію, по многимъ причинамъ возможно, которыхъ частію въ совѣсти, а частію въ природѣ человѣческой искать должно; но однакоже обѣщанія Евангельскія остаются столько же истинными, и столько же способными ко ободренію насъ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ НАДЕСЯТЬ.

Второе доказательство сего мудраго установленія, взятое отъ умерщвленія похотѣній, требуемаго отъ насъ Евангеліемъ.

Подумать не можно, чтобы Люди въ томъ состояніи, въ которомъ они по намѣренію Бога должны быть благополучными, столь мало важными, столь пустыми, и столь презрѣнными занимались вещами, каковы тѣ, которыми они въ сей жизни занимаются. Мы, обладая высочайшимъ блаженствомъ, не будемъ болѣе имѣть тѣхъ непристойныхъ страстей, которыя нынѣ возмущаютъ покой нашъ, и которыя каждаго попускающаго имъ содѣлать себя рабомъ, превращаютъ въ нечеловѣка. Все, убѣждающее насъ въ томъ, что Виновникъ бытія нашего намѣренъ насъ по смерти сдѣлать щастливыми, должно убѣждать такъ же и въ томъ, что Онъ намъ высочайшее предопредѣлилъ щастіе, нежели каковое мы теперь имѣемъ.

И такъ долгъ умерщвленія похотей, не основанъ ли на разумѣ? Ибо въ чемъ онъ состоитъ? Онъ состоитъ въ укрощеніи необузданныхъ страстей, и въ препобѣжденіи порочныхъ склонностей. И когдажъ мы благовременнѣе, и съ большею пользою можемъ начать сіе дѣло, какъ не въ семъ свѣтѣ; когда наши склонности въ короткое время столько очищены, и удовольствія наши столько различны быть должны отъ теперешнихъ? Да помыслятъ только о образѣ жизни, которую мы имѣемъ вести на Небеси. Едина токмо истинна достойна будетъ упражнять нашъ разумъ, и мы не будемъ ни любить, ни желать другихъ вещей, кромѣ тѣхъ, которыя заслуживаютъ вниманіе разумной души, и которыя могутъ исполнять ее вѣчнаго удовольствія. Не нужно ли убо намъ мало по малу къ сему себя приуготовлять? Могутъ ли люди, кои чрезъ все теченіе своей жизни о Богѣ никогда не думали, или Его никогда не любили, утѣшаться ибснопіемъ Ангеловъ? Сіе столько скорое и ревностное повиновение повелѣніямъ Божиимъ, сіе повиновение, ко-

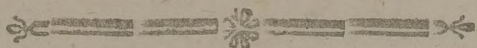
торое имѣтъ составлять величайшее удовольствіе блаженныхъ душъ, безъ всякаго сомнѣнія будетъ наискучнѣйшею и самою непріятною вещію для тѣхъ порочныхъ людей, которые собственной произволъ имѣли всегдашнимъ для себя закономъ, и которые ни какого другаго удовольствія не знали, какъ исполненіе желаній своихъ. Сему ясное можно найти изображеніе въ томъ, что дѣйствительно въ свѣтѣ произходитъ. Есть моды, обычаи, роды жизни, которые нѣкоторымъ людямъ совсемъ не по вкусу. Они имъ не сносны, и все имъ въ нихъ противно; но для чего? По тому, что люди сіи находясь въ нихъ нѣчто новое, имъ не нравящееся. Ихъ состояніе, ихъ уморасположеніе, ихъ воспитаніе и ихъ дарованія утвердили въ нихъ привычку совсемъ къ другимъ вещамъ; хотя бы то, чего они терпѣть не могутъ, составляло наилучшую въ свѣтѣ вещь; но они къ ней не привыкли, и сего одного довольно, чтобы имъ не нравиться. Грубый поселянинъ, силою изъ хижины своей извлеченный, и ничего не желающій, какъ паки въ нее воз-

вращишься, конечно нимаго не нашелъ бы для себя удовольствія между учеными и придворными, даже среди самыхъ ихъ лучшихъ и привлека- тельнѣйшихъ разговоровъ.

Поставь же и грѣшника, благо- дашно къ тому неприуготовленнаго, въ собраніи прославленныхъ Святыхъ. Естьли въ немъ еще остаются его порочныя склонности и невоздержныя пожеланія; то онъ совсемъ не въ своей будешь стихіи; онъ тамъ ни- чего не найдетъ по своимъ мыслямъ. Божественныя увеселенія будутъ для него гораздо скучнѣе, нежели всякая изъ вздорныхъ вещей, и онъ будетъ еще искать своего благополучія, имѣя уже его въ рукахъ. (и) Понеже мы

(и) Осперегаешься надобно, чѣмъ въ семъ случаѣ не зайди слишкомъ далеко. Божест- венная Премудрость всеконечно хотѣла, чѣмъ мы предвѣдительно упражнялись въ Небесной жизни, къ которой она насъ предуготовля- етъ. Настоящее наше благоденствіе пребу- етъ того, чѣмъ, сколько можно, умерц- влять похоти, которыя препятствуютъ пре- небречь земное, и уважить Небесное. Однако заѣсь никто не простирается столь далеко, чѣмъ онъ безъ совершенной премѣны въ его

не можемъ думать, что бы Богъ
 насъ позвалъ когда либо на Небо съ
 тѣмъ, чиня сдѣлать насъ тамъ не-
 довольными, несчастными; то и спра-
 ведливо, то и приличествуетъ, чтобъ
 мы на земли умерщвляли плотскія
 наши похотѣнія, которыя въ селеніе
 славы сопровождать насъ не могутъ;
 понеже имъ тамъ быть совсемъ не-
 пристойно.

СТАТЬЯ ПЯТАНАДЕСЯТЬ.

Третье доказательство сего муд-
 раго конца, взятое отъ долга
 любви, къ которому Христіан-
 ская вѣра каждого обязываетъ.

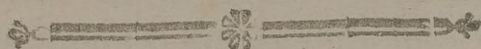
Исполненіе долга любви, кото-
 раго Христіанской законъ требуетъ
 отъ насъ въ разсужденіи всѣхъ лю-

смерти, въ состояніи былъ надлежащимъ об-
 разомъ вкушать предуготовляемое намъ бла-
 женство. Какъ скоро мы приближаемся къ
 блаженству, то совсемъ перемѣняются и о-
 чищаются понятія нашего разума, и склон-
 ности нашей воли. Въ Христіанской вѣрѣ

дей, столь же очевидно основано на великомъ ономъ концѣ, которой намъ предложенъ. Состоянію, котораго мы ожидаемъ на Небеси, ничто такъ не противоположно, какъ нелюбительный нравъ, лукавство, гнусное и постыдное корыстолюбіе. Любовь, наклоняющая душу къ чему нибудь благороднѣйшему, изцѣляетъ ее отъ сихъ слабостей, и даетъ ей совсемъ противоположныя склонности. Чрезъ нее мы унодобляемся Богу, коего благость проспирается на всѣ творенія Его, и напередъ приобретаемъ духъ того міра, въ которомъ нѣкогда нѣжнѣйшею любовію тѣсно будемъ соединены со всѣми душами, подобнымъ щастіемъ наслаждающимися. Сколь много раздоровъ нынѣ между нами ни есть; однакожъ безъ сомнѣнія въ будущей жизни гораздо больше того будетъ единодушія. Тогда вся недовѣрчивость, всякое подозрѣніе, зависть, вражда и гнѣвъ престанутъ вѣчно. Тогда не будемъ знать никакого другаго удовольствія, какъ только благословлять Бога, наслаж-

мало находится обязанностей къ умерщвленію
всѣхъ порочныхъ спрасмен.

дасться общимъ блаженствомъ, и соединенными силами стараться прославлять дѣстопокланяемаго Виночника сего величайшаго благополучія. Слѣдовательно недостоинныя страсти, причиняющія здѣсь токмо безпокойства, въ сообщество Святыхъ вви́ти не могутъ. Но что насъ въ прочемъ можетъ отъ сего избавить, какъ не нравоученіе Евангельское, которое заповѣданіями своими и наказаніями показываетъ намъ совершенно непристойность ихъ, дабы мы ихъ могли побѣдить?

СТАТЬЯ ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

3) Примѣчаніе. Весьма вѣроятно, что необузданная волюно-мысленность происходитъ отъ развращенія сердца.

Краткое начертаніе, которое сдѣлали мы Христіанскому благочесію, какъ по многотруднымъ должностямъ, отъ него на насъ возлагаемымъ, такъ и по злостраданію, сопровождающему его исповѣданіе, сіе

начертаніе, говорю, удобно открыва-
етъ намъ начало невѣрія. Все, что
невѣрующій говоритъ и дѣлаетъ, мо-
жетъ происходить изъ одного и то-
го же побужденія, которое легко ви-
дѣть можно, и есть причины ду-
мать, что другого ни какого нѣтъ.
Хотятъ ли узнать его, то пусть
представятъ себѣ человека, такимъ
образомъ въ себѣ размышляющаго: „Я
„буду того только искать, чтобъ
„мнѣ въ семъ свѣтѣ было хорошо.
„Дабы мнѣ сего намѣренія достиг-
„нуть; то долженъ я освободить
„себя отъ всякаго принужденія, и
„не нести никакого тяжкаго ига.
„Наилучшее правило есть то, чтобъ
„себя повеселить, и ни въ чемъ не
„отказывать сердцу своему. Правда,
„многіе будутъ сіе оуждать; но
„что мнѣ за нужда смотрѣть на
„мнѣніе другихъ? Хвалятъ ли они
„меня будутъ, или хулятъ, все
„равно. Я въ жизни моей ни на что
„болѣе взирать не буду, какъ толь-
„ко на забавы и увеселенія, и для
„приобрѣтенія ихъ все прочее пре-
„зирать. „

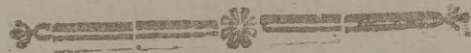
Не довольно ли сихъ тайныхъ
мыслей для открытія причинъ

Деизма? Когда уже до того будетъ дойдено, то мы въ угодность сердцу своему и склонности, обязаны будемъ иппи пропиву всего того, что симъ намѣреніямъ противно. Тогда столько же мало будетъ вниманія къ внушеніямъ разума, сколько и уваженія къ справедливости, пребующей обузданія. Поелику единожды рѣшились наслаждаться, сколько возможно, всѣми пріятностями жизни; то, естли намъ въ семъ намѣреніи встрѣшится что нибудь препятствующее, будемъ стараться дѣлать то нелѣпымъ и смѣшнымъ, и употребимъ искусство, чтобъ дѣло до того довести.

Сей то есть источникъ презрѣнія, изъявляемаго Евангелію. Сіе Евангеліе насъ ограничиваетъ; оно пребуетъ отъ насъ умѣренности и умерщвленія похотей; оно хошетъ, чтобъ мы на страданія взирали такъ, какъ на нашу должность; но для людей, преданныхъ сладосприастію, сіе не по праву. И такъ они не находятъ другаго средства, какъ только осмѣивать вѣру. Должно неопмѣнно сей вѣръ отказать въ Божественномъ ея произхожденіи. Она

— 70 —

должна быть только плодъ полити-
ки; основатели ея должны быть
хитрые обманщики, употребившіе во
зло легковѣріе народа; всѣ Христіа-
не вообще должны быть глупые и
суевѣрные люди, которые не имѣ-
ютъ столько ни остроты, ни ра-
зума, чтобъ примѣтить обманъ, но
позволяютъ водить себя за носъ
извѣстнымъ людямъ, которыхъ зва-
ніе и польза пребудутъ обманъ сей
продолжать. Всѣ сіи положенія суть
слѣдствія того принятаго намѣренія,
чтобъ всѣмъ жертвовать своимъ при-
хотямъ. И хотя имѣтъ ничего ихъ
безуміе, но можно ли сдѣлать дру-
гія, когда хотятъ удержатъ право
на свою необузданную волюность?

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Можно сдѣлаться Деистомъ и по другимъ, не столько гнуснымъ причинамъ, хотя это и весьма рѣдко случается.

Сколь ни ясно то, что я привелъ; однакожъ я оппую не того мнѣнія, что бы Деизмъ всегда производилъ отъ развращенія сердца, или, что всѣ тѣ, кои отвергаютъ Христіанскую вѣру, имѣютъ сіи начала.

Я не считаю того вовсе невозможнымъ, чтобъ иной не могъ сдѣлаться Деистомъ по причинамъ умозрительнымъ, или по излишней спѣшности ума. Много есть такихъ вещей, которыя могутъ сіе произвести. Къ сему можно причислить гордость, съ лишкомъ выгодное мнѣніе о себѣ самомъ, ложныя умствованія о природѣ человѣческой, а наипаче ложныя понятія о силахъ разума. Представьте человѣка, дающаго неограниченное право разуму своему, судить о всемъ безъ разбору. Онъ съ самаго начала полагаетъ основаніемъ, что то одно истинно, что разумъ собственными

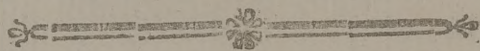
силами понять можетъ. Хотя онъ при первомъ шагѣ и обманывается; однакожъ основывается на томъ, проспирается такимъ образомъ далѣе, и увѣряетъ себя, что безконечно мудрое существо не должно намъ ни когда открывать ничего такого, чего бы мы не могли понять и изчерпнуть. И такъ въ то же самое время, когда онъ допускаетъ законы, ограничивающіе его волю, почитаетъ не естественнымъ и Божескимъ совершенствамъ неприличнымъ дѣломъ, предлагать уму непоспимыя таинства. Все сіе, говорю я, и другія тому подобныя причины могутъ во-звлекать въ невѣрствіе нѣкоторыхъ людей, почитающихъ въ прочемъ нраво-ученіе. Ибо когда вздумаютъ ученія вѣры разсмапривать по симъ ложнымъ основаніямъ; то ничего не находясь съ ними согласнаго, потчасъ называютъ ихъ глупыми и безумными, а опшуда заключаютъ, что Богъ открыть ихъ не могъ. А за симъ заключеніемъ ничего естественнаго не слѣдуетъ, какъ отверженіе всего Евангелія. И такъ, когда только въ первомъ основаніи, на которомъ утверждающъ свои заключенія, обма-

иутся, то могутъ дойти до того, что все Христіанское благочесніе почтутъ за обманъ, и перейдутъ на сторону крайнихъ его враговъ. Однако мнѣ кажется, что весьма не многіе изъ Натуралистовъ принадлежатъ къ сему роду людей.

Могутъ также и некоторые сдѣлаться Деистами чрезъ ложныя заключенія, каковыя дѣлаютъ они въ разсужденія правоученія Евангельскаго. Доколѣ они того мнѣнія, что сіе правоученіе есть право естественное; то за удовольствіе себѣ поставляютъ его хвалить, и покараться представленіямъ его. Но должности, располагающія движеніями души и внутренними дѣйствіями набожности, кажутся имъ съ лишкомъ высоки. Таковая строгость, по мнѣнію ихъ, есть безмѣрна и несправедлива; по ихъ понятіямъ, которыя они имѣютъ о благости Божіей, Богъ, будучи благъ совершенно, не могъ наложить такого ига на человека. Хотя сей другой источникъ Деизма весьма различенъ отъ предъидущаго; однако столько же вреденъ и опасенъ. Равно обманываются и тѣмъ и другимъ образомъ; власть ли Божію,

давать законы, съ лишкомъ ограничивая, или предѣлы силъ человѣческаго разума съ лишкомъ разширяя; и ошибка какъ съ одной, такъ и съ другой стороны ведетъ, хотя различными путями, въ одну пропасть.

Я обоимъ симъ родамъ невѣрующихъ дамъ только одинъ совѣтъ, т: е: чпобъ они благоволили съ одной стороны Божескую, а съ другой человѣческую природу получше узнать. Когда первые понятія свои исправятъ согласно тому, что о совершенствахъ безконечнаго существа доказано; а послѣднiе понятія свои о ограниченномъ разумѣ располагать будутъ по неоспоримымъ дѣбесказанiямъ и извѣстнымъ опытамъ; то безъ сомнѣнiя всѣ ихъ возраженiя пропадутъ. Одной споронѣ непостижимыя ученiя опроверженiя не будутъ болѣе казаться неимовѣрными; а другой наипруднѣйшiя должности Евангельскаго нравоученiя несправедливыми. Все тупъ, что обоимъ, по мнѣнiю моему, ошвѣпшвовать должно.

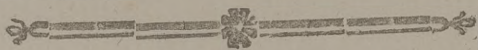

СТАТЬЯ ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Хотя и возможно, чтобъ умо-
зрительные Деисны были, од-
накожъ весьма вѣроятно, что
развращеніе сердца есть всегда
первою тому Причиною.

Мы проходя опъ возможности
жъ вѣроятно, не будемъ уже о Деис-
нахъ судить толь снисходительно,
какъ по сіе мѣсто дѣлали. Каковой
бы источникъ невѣрія ихъ ни былъ;
однако умозрительные и дѣятельные
Деисны говорятъ однимъ толомъ:
въ обоихъ тѣ же заблужденія и лже-
мудрованія. Они устремляются безъ
всякаго разбору противъ нѣкоторыхъ у-
ченій Христіанской вѣры, которые имъ
кажутся неѣпыми, противорѣчущими и
несогласными съ разумомъ. По томъ
они возстаютъ на вѣрность книгъ,
на коихъ основывается наша вѣра.
То увеличиваютъ они нѣкоторыя ма-
лыя погрѣшности, кои въ ихъ вкра-
лись, то представляютъ малѣйшія
прудности нерѣшимыми, которые имъ
для того таковыми кажутся, поели-
ку не знаютъ они ихъ рѣшенія, или

совсемъ объ ономъ и стараются не
хотѣть; припомъ они не замѣча-
ютъ, что хотѣбы сіи трудности
были и шаковы, какъ они утвержда-
ютъ; однако нѣтъ ни одной столь
важной трудности въ нашихъ Свя-
щенныхъ книгахъ, чтобъ въ язычес-
кихъ писателяхъ не можно было
найти гораздо большихъ, коими од-
накожъ они не останавливаются, но
извиняютъ ихъ каждый разъ. Прав-
ду сказать, сіе согласіе съ лишкомъ
велико, нежели, чтобъ оно тайно не
произходило изъ одного начала. И
нѣкоторыя причины не позволяютъ
намъ сомнѣваться, что Евангеліе
точно правоученіемъ враговъ своихъ
наиболѣе раздражаетъ. Сіи причины
можно читать въ слѣдующей статьѣ.

СТАТЬЯ ДЕВЯТАНАДЕСЯТЬ.

Три разсужденія, доказывающія
сію врожденность.

1. Во первыхъ мы дѣлаемъ слѣдующія замѣчанія. Не много людей столько же чувствительно оскорбляются презрѣніемъ мнѣнія ихъ, сколько стѣсненіемъ ихъ свободы.

Большая часть людей паче управляется склонностями своими, нежели разумомъ, и къ сему же роду, кажется, относятся тѣ, которые противъ откровенія возстаютъ.

2. Когда при состязаніи дѣло предлежитъ одному только разуму, и все состоитъ въ однихъ сомнѣніяхъ; то рѣдко споръ веденъ бываетъ съ толикимъ огорченіемъ и гнѣвомъ, каковой въ Деистахъ всегда при семъ случаѣ усматривается. Разумъ не знаетъ иного средства къ своему защищенію, какъ токмо основательное и твердое заключеніе; да и нужды не имѣетъ ни въ какомъ другомъ для предохраненія себя отъ заблужденія; такая же издѣвка и горячестъ показываютъ, что о разпре-

ганы страсти, и онѣ наиболѣе участ-
вуютъ въ дѣлѣ.

3. Естьли бы съ Христіанскою
вѣрою столь люто поступаемо было
ради однихъ только трудностей,
находящихся въ нѣкоторыхъ изъ ея
положеній; то откудажъ сіе произ-
ходитъ, что невѣрующіе гораздо ху-
же ведутъ себя въ разсужденіи ея,
нежели другой какой нибудь вѣры,
которая, по собственному ихъ приз-
нанію, наполнена грубыми сумасбродст-
вами, и коея ложность очевидна, но
только нравоученіе не столь строга?
Можно легко видѣть, что я разу-
мѣю Магометанскую. Естьли ее раз-
сматривать и съ наилучшей ея сто-
роны, и опиять все то, чѣмъ слѣ-
пая ревность нѣкоторыхъ Христіанъ
ее очернила; то однако не можно бу-
детъ не сознаться, что она какъ
Богу, такъ и человѣку весьма не при-
лична. Какого множества доказа-
тельствъ не могли бы мы привести,
если бы кто о семъ еще посумнилъся,
да и такихъ доказательствъ, которые
почерпнуты изъ такихъ книгъ сей
вѣры, которые искреннѣйшими Маго-
метанами признаны за неподложные.

СТАТЬЯ ДВАДЕСЯТАЯ.

Продолженіе третьяго разсужденія, въ которомъ кратко доказывается, что Магометанская религія есть очевидный обманъ.

1. Действы съ нами согласны, что Магометъ, отъ котораго сія вѣра начало и имя свое получила, велъ весьма соблазнительную жизнь, такъ что вмѣсто того, чтобъ жить какъ посланнику Божию, которой долженствовалъ отвращать людей отъ ихъ пороковъ, подавалъ имъ такіе примѣры, которые таковому посольству были совсемъ прошивны.

2. Еслили разсматривать его Алкоранъ, то на многихъ мѣстахъ, изключая весьма отвратительные и нелѣпыя вещи, коими преисполнено сіе сочиненіе, и коихъ не можно читать безъ омерзения, виденъ духъ лжи, какъ въ дѣсказаніяхъ сочиненныхъ повѣствуемыхъ, такъ и въ ученіяхъ предлагаемыхъ имъ. Я знаю, что сіе послѣдніе мнѣ будутъ оспаривать; однако я не говорю ничего таковаго, чтобы было трудно доказать. Ибо

не естъли то ученіе, которое съ совершенствами Божиими не сходствуемъ, очевидно ложно? Но извѣстно, что многія изъ предлагаемыхъ Магометомъ суть сего рода.

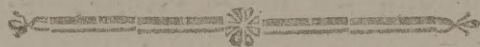
3. Очевидно, что магометъ, сея вѣры ни на что болѣе не взиралъ, какъ только на собственную пользу. Различныя части Алкорана были коверканы по требованію обстоятельствъ, въ каковыхъ Магометъ находился. Онъ, смотря по своимъ нуждамъ и намѣреніямъ, то ничто прибавлялъ, то отнималъ, иное перемѣнялъ, другое исправлялъ. Разнообразность понятій, располагаема была тамъ по теченію дѣлъ и по непостоянству народа. Между тѣмъ все наконецъ долженствовало рѣшиться Архангеломъ Гавріиломъ, о которомъ онъ по крайней мѣрѣ всегда говорилъ, что ему онъ новыя повелѣнія и извѣстія съ Неба приносилъ.

4. Обманъ и неправда, породившія вѣру сію, и подкрепляли вѣру младенчества и возрастили; она одолжена первыми ея преуспѣянiami невѣжеству народа и снисхожденію къ господствующимъ порокамъ. Трудно ли было обмануть народъ, которой

не только самъ былъ безъ просвѣщенія, но и отъ ученаго свѣта и всякаго съ нимъ сообщенія чрезвычайно удаленъ.

3. Такимъ образомъ наконецъ распространеніе сей вѣры послужило только ко вреду и припѣсненію человѣческаго рода. Она все свое приращеніе получила силою и оружіемъ. Вмѣсто того, чтооь людей убѣждать умствованіемъ, она принуждала мечемъ, налогами и жестокимъ вымучиваніемъ. Чтооь утвердить свое владычество, она должна была гнать людей, силою исторгать у нихъ слѣпое повиновеніе, похищать право, которое каждый имѣетъ отъ природы, разсуждать о важнѣйшихъ вещахъ, и съ собственнымъ совѣтоваться разумомъ.

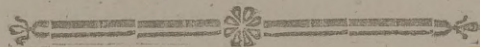
Епо суть всѣмъ извѣстныя произшествія, на которыя каждый удобно можетъ найти доказательства. По чему я намѣренъ предложить Деистамъ слѣдующіе два вопроса:

СТАТЬЯ ДВАДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Действѣ даже до сего времени слабыя оказывалѣ усилія въ открытіи таковыхъ знаковъ обмана въ религіи Христіанской, какія прямо въ глаза бросающіяся въ религіи Магометанской.

Вотъ первый мой вопросъ. Безвѣры могли ли когдалибо обличить въ обманъ благочестіе Христіанское столь же точно, сколь религія Магометанская обличена въ ономъ? Мы оставимъ спрашивать ихъ о томъ. Могли ли они, по крайней мѣрѣ, показать правдоподобіе, что религія Іисуса Христа, которая содержится въ новомъ Завѣтѣ, сходствуемъ съ религіею Магометанскою, какъ въ средствахъ, по которымъ она въ свѣтъ вступила, такъ и въ надеждахъ, которыми насъ утѣшаетъ, какъ въ законахъ, которые на насъ налагаетъ, такъ и въ чувствованіяхъ, которыя хочетъ она въ насъ вдохнуть?

СТАТЬЯ ДВАДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

Естьли бы Деисты столько имѣли уваженія къ религiи естественной, сколько они тѣмъ кичатся; то болѣе бы уважали Евангеліе, которое утверждаетъ и усиливаетъ законы природы.

Все то, что я ни говорилъ до сего мѣста, описишя только къ нравоученію Христiанскому, которое разсмаприваемъ такъ какъ иго, отверженное Деистами, которые таковыиъ отверженіемъ могутъ содѣлать жизнь свою гораздо прiятнѣйшею, нежели Христiане. Но я присоединяю къ тому, что презрѣніе, оказываемое ими сему нравоученію, равномѣрно проспирается и на законъ естественной. Деисты, говорю, которые величаются тѣмъ, что столько имѣютъ уваженія и ревности къ закону естественному, равно презираютъ оной, какъ и нравственность Христiанскую. Не говоря ни слова о томъ вліяніи, которое сей законъ можетъ имѣть на щастіе или нещастіе людей въ семъ мірѣ. Я желаю только, чтобъ

Невѣры подумали о томъ, какое по-
собіе можетъ подать имъ благочес-
тіе Христіанское, естли они искрен-
но желаютъ выполнятъ должности
религіи естественной. Я за вѣрное
полагаю, что тѣ люди, которые не
вѣрятъ опкровенію, не выполняютъ
такъ вѣрно своихъ должностей, какъ
Христіане, которые поступаютъ по
началамъ Евангелія. Епо предметъ
извѣстной, какія бы понятія ни имѣ-
ли о самомъ законѣ естественномъ
или о той покорности, которою мы
ему обязаны.

1. Естли подъ симъ закономъ
естественнымъ разумѣютъ не томъ
порядокъ, которой учрежденъ Твор-
цемъ вселенная, но одно только
слѣдствіе воспитанія, примѣра, обык-
новенія и другихъ подобныхъ вещей,
которыя тѣмъ только и поддержива-
ются, что послѣдствія ихъ нужны
для настоящей жизни; естли, гово-
рю, законъ естественный не означа-
етъ ничего другаго; то видно, что
ничто столь слабо не можетъ управ-
лять людьми, какъ сей законъ.
Правота, несправедливость, благо и
зло будутъ зависеть только отъ
склонности, личныхъ выгодъ и об-

стоятельствъ. Такимъ образомъ нѣ-
которые Деисты, наши современники,
заключили въ сей недѣльной системѣ
всѣ нравственныя обязательства, не
по иной какой либо нуждѣ, какъ
только, чтобъ имъ не остановиться
на половинѣ пути. Въ ихъ началахъ
нѣтъ существеннаго различія между
добрыми и худыми дѣйствіями; все,
говорю, различіе происходитъ отъ
обстоятельствъ, личныхъ выгодъ, свое-
нравія или мнѣнія. По перемѣнѣ вре-
мени и мѣстъ перемѣняется зло во
благо и благо во зло. Я признаюсь,
что сія система довольно древняя,
что нѣкоторые Писатели и даже самые
Философы издавна такимъ образомъ
думали и говорили. Но извѣстно так-
же, что во всякое время люди ум-
ные, люди съ большими достоинств-
вами, нежели оные Писатели и Фило-
софы, гнушались сими правилами и
дѣлали правила достойнѣйшія Бога и
человѣка. Безъ сомнѣнія особы умныя
имѣютъ великую причину спрашивать
сихъ ужасныхъ правилъ. Допус-
тить ихъ, это значитъ лишиться
всего безопаснаго, что только можно
имѣть въ семъ мірѣ. Если онѣ
справедливы, то самой великой пресе-

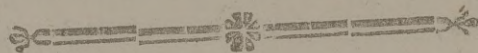
ступникъ не пресѣнетъ считать себя невиннымъ, какія бы въ прочемъ ни сдѣлалъ онъ преступленія. Удерживая себя отъ порока, по причинѣ только страха судовъ человеческихъ, еслили онъ предусмотритъ, что можно избѣжать оныхъ, то попретъ всѣ обязательства, не исключая даже и тѣхъ, которыя, по общему мнѣнію и сужденію всѣхъ народовъ, почитаются самыми сильными и священнѣйшими.

Присоедините къ сему, что люди, которые опмещутъ законъ откровенной или написанной, по тому только выполняютъ то, что они называютъ закономъ природы, что имъ нравится сіе выполненіе. Они его судятъ, они его истолкователи. Они его распространяютъ, сокращаютъ, уничтожаютъ, оплагаютъ, извѣщаютъ, словомъ сказать, они поступаютъ въ разсужденіи его такъ, какъ хотятъ. Называютъ тиранскимъ и произвольнымъ всякое гражданское правленіе, которое присвоиваетъ себѣ власть онаго рода. И такъ что мы скажемъ о частномъ правленіи, которое старается удержать за собою оное право для самаго только себя?

Правило, въ которомъ заключающся
 его обычаи, не естьли правило совер-
 шенно произвольное, когда оно един-
 ственною для себя цѣлію имѣетъ
 частное его благо? Безъ сомнѣнія
 весьма недѣло, что тѣже самые лю-
 ди, которые возстаютъ противъ
 правленій Деспотическихъ, и которые
 съ великимъ усиліемъ стараются
 показать опасности и несправедли-
 вость оныхъ, при всемъ томъ домо-
 гаются поставить себя на мѣстѣ само-
 властныхъ Монарховъ, и присвоить
 себѣ ту власть, которую они обви-
 няютъ и которой они ужасаются.

Справедливо, что сердца испор-
 ченныя могутъ во зло употребить
 какъ законы писанные, такъ и непи-
 санные, и превращать ихъ по произво-
 лу страстей. Однакожъ не можно
 отрицать, что откровеніе большую
 имѣетъ силу въ подавленіи порока,
 нежели какаядьлибо безъ помощи его
 система, которая одолжена своимъ
 рожденіемъ одному только умозрѣ-
 нію человѣческому. Когда дѣло идетъ
 о томъ, чтобъ превратить смыслъ
 закона, которой, будучи написанъ,
 всегда существуетъ, и съ которымъ
 можно соотноситься въ каждую ми-

нущу; или, лучше сказать, когда
дѣло идетъ о томъ, чтобъ увѣрить
въ чемъ либо противномъ открове-
нію, которое есть точно и ясно; въ
такомъ случаѣ болѣе встрѣчается
трудности, и болѣе должно сдѣлать
насилія сердцу и разуму, нежели
когда отвергаемъ и превращаемъ за-
конъ, составленный изъ собственныхъ
понятій и прихотей. Сіе правило есть
таково, что можно его обращать
такъ, какъ хочется, или по крайней
мѣрѣ оно есть таково, что гораздо
удобнѣе можно его превратить, не-
жели законъ, которой съ точностію
ограничиваетъ видъ и степени долж-
ности, и копорато установленіе не
можетъ быть презрѣно съ нѣкоп-
рымъ хотя правдоподобнымъ на по-
основаніемъ, развѣ только посредст-
вомъ времени и обмановъ.

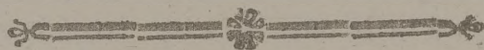
СТАТЬЯ ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТІЯ.

Въ самомъ дѣлѣ не возможно,
 чтобъ Дѣиствѣ столько уважалъ
 законъ естественной, сколько дол-
 женъ уважать Христіанинъ, у-
 вѣренный въ своей религіи.

И такъ Дѣиствѣ никогда не бу-
 детъ имѣть того уваженія къ зако-
 ну естественному, какое окажетъ
 ему Христіанинъ. Сіе различіе уви-
 димъ изъ трехъ разсужденій: 1 е. По
 мнѣнію Христіанина сей законъ есть
 произведеніе, напечатлѣнное перстомъ
 Божіимъ; Богъ, говорю, по мнѣнію
 его, напечатлѣлъ оной въ сердцѣ че-
 ловѣка, дабы по нему напутствуемы
 и управляемы были разумныя твари,
 сообразно съ разумомъ, которымъ о-
 нѣ одарены. Какъ скоро признаютъ
 его Божественнымъ, то уже не мо-
 гутъ сомнѣваться, чтобъ онѣ не за-
 служивалъ болѣе вниманія и власти
 надъ поведеніемъ, нежели когда не
 почитаютъ его Божественнымъ. 2 е.
 Въ системѣ Христіанской общанія
 и угрозы, которыя обязываютъ къ
 храненію закона природы, относятся

— 90 —

не только къ настоящей жизни, но еще и къ будущей. Видно, сколь важенъ сей послѣдній пунктъ; ибо онъ несравненно болѣе долженъ поразить сердце, нежели всѣ настоящія выгоды и невыгоды, которыхъ можно ожидать за исполненіе, или спрашиться за нарушеніе закона природы. 3 е. Наконецъ ту книгу, въ которой написанъ сей законъ природы, Христиане почитаютъ опкровеніемъ Божественнымъ. И такъ они не могутъ ни столь удобно уклониться отъ него, ни превратить его смыслъ такъ легко, какъ тѣ, которые имѣютъ объ немъ понятіе пустое и неопредѣленное, и почитаютъ его порожденіемъ самовѣнія.

СТАТЬЯ ДВАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сіе останется навсегда справед-
 ливымъ, хотя бы и Деистъ так-
 же хорошо призналъ Божествен-
 ное величіе закона естественнаго.

Я подполагаю во впорыхъ, что
 хотя бы Деистъ призналъ законъ
 природы за законъ Божественной, хо-
 тя бы также приписалъ ему такое
 величіе, какое только возможно, од-
 накожъ то всегда будетъ справед-
 ливымъ, что сіе величіе будетъ го-
 раздо уважительнѣе для Христіанина,
 нежели для Безвѣра. Причина сему
 та, что законъ природы заключенъ
 въ законъ Евангелія, и что онъ со-
 ставляетъ часть тѣхъ уставовъ, ко-
 торые онъ получилъ отъ своего Гос-
 пода Іисуса Христа. Правда я знаю,
 что сіе Евангеліе такія намъ даетъ
 правила, которыя совершенно превос-
 ходятъ законъ естественной. При
 всемъ томъ находятъ всю сущность
 сего закона обширнымъ и яснымъ об-
 разомъ предложенную законодателемъ
 Христіанскимъ, которой наложилъ
 на него собственную свою печать,

для чего вещь такова, какова есть, и для чего она не можетъ быть иначе. Въ семъ отношеніи извѣстность, которую мы имѣемъ, не только включаетъ всякое сомнѣніе, но и есть безошибочна. Хотя, какъ мы охотно признаемся, не совершенно и не безъ условія, по тому, что сіе особенное свойство знанія никому не принадлежитъ, какъ только Богу; ни подъ извѣстнымъ условіемъ, то есть, когда подполагаютъ правильность нашихъ умозаключеній.

Что касается до другаго рода демонстраціи, которая называется демонстраціею . . . или что нѣчто есть; то въ ней ближайше предшествовавшая причина не составляетъ средняго - члена, а развѣ только весьма отдаленная, или нѣкоторое необходимое дѣйствіе то занимаетъ мѣсто. По сему ето невозможно, чтобы начала въ ней были столько ясны, какъ въ предвидущемъ родѣ демонстраціи; следовательно она также подаетъ нѣкоторымъ образомъ меньшую выгоду, и должна опнесена быть къ роду тѣхъ доказательствъ, кои ниже и несовершеннѣе другихъ.

При всемъ однакожъ томъ сія послѣдняя можетъ подавать намъ ту же самую извѣстность о вещахъ, и наши въ ней заключенія, извѣстнымъ образомъ, суть столько же доказательны, (я) какъ и въ другой. Различіе состоятъ только въ томъ, что предвидущая показываетъ намъ первыя причины, первыя основанія вещей, и что оныя необходимо должны быть тѣмъ, что мы о нихъ знаемъ; когда напрошивъ того демонстрація другого рода увѣряетъ только насъ о дѣйствительности вещей, или чрезъ нѣкоторыя естественныя слѣдствія, или чрезъ нѣкоторыя, болѣе отдаленныя, причины. Не смотря на то, при ней находится извѣстность, могущая вынудить согласіе и произвести увѣреніе въ разумъ.

Къ сему послѣднему роду принадлежитъ большая часть демонстрацій въ Физикѣ, въ Метафизикѣ и въ Богословіи. Доказываютъ, на примѣръ, что есть Богъ, изъ основаній *a posteriori* (опъ опыта,) какъ обыкновенно

(я) По образу выраженія ученыхъ, на непримѣрствующихъ основаніяхъ утверждены.

говорится, то есть, когда отъ дѣйствій возходятъ къ причинамъ. Симъ же самымъ образомъ объясняютъ Математическія вещи; понеже въ нихъ разумъ ведётъ постепенно къ тѣмъ главнымъ началамъ, которыя сами по себѣ очевидны, и кои учителя Математики, по причинѣ ихъ важности, называютъ неоспоримыми предложеніями (*axiomata*).

Кромѣ обоихъ предъидущихъ родовъ находится еще третій родъ демонстраціи, которая доводитъ до нелѣпости или до невозможнаго (*demonstratio ducens ad absurdum vel impossibile* (*)). Въ ней заключаютъ, что та или другая вещь истинна, по тому, что противное ей, по всей вѣроятности, ложно и нелѣпо. Сія демонстрація принадлежитъ къ гораздо низшему роду; понеже доказательство ея ниже въ самую входитъ вещь, ниже есть непосредственное, и понеже прибѣгаютъ къ ней не иначе, какъ только въ недостаткѣ лучшей. Не менѣе однакожъ ею пользуется каждый, да и самые Математики ее до-

(*) Доказательство нелѣпаго слѣдствія.

пускаютъ не только въ смѣшанныхъ изъ опыта и разуменія но и въ числѣйшихъ и самыхъ отвлеченныхъ знаніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ по природѣ вещей, *Reductio ad absurdum*, или доведеніе до нелѣпыхъ слѣдствій есть само въ себѣ довольное и хорошее доказательство. Основаніе онаго есть сіе, что мы находимся во всегдашней обязанности, не только въ умозаключеніяхъ, но и во всѣхъ другихъ вещахъ избѣгать всего того, что самому себѣ противорѣчитъ и есть нелѣпо.

Прибавленіе. Въ прочемъ мы здѣсь замѣтимъ, что теперь яснымъ образомъ видно, въ чемъ нравственное доказательство различествуетъ отъ совершенной и собственно такъ называемой демонстраціи, т: е: въ томъ, что начала, изъ которыхъ въ немъ заключаютъ, не подходятъ къ тѣмъ, кои требуются при строгой демонстраціи.

ПОЛОЖЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ясная достовѣрность или ясность въ началахъ, на которыя можно сдѣлать только нравственное доказательство,

можетъ быть столько же велика, какъ и въ другихъ, которыя можно доказать Математическимъ образомъ.

Чрезъ ясную достовѣрность я разумѣю то, что разуму столь ясно показываетъ истинну, что онъ вдругъ на ней успокоивается. И такъ сія извѣстность бываетъ всегда больше или меньше, смотря на то, ранѣе ли или позже успокоивается на ней разумъ. Большой степень извѣстности прежде производитъ свое дѣйствіе въ разумъ, нежели меньшій. Я не могу подумать, что мы сіе будемъ оспаривать.

Также извѣстно, что въ Математическихъ доказательствахъ большее и меньшее предложеніе получаютъ свою твердость отъ нѣкоторыхъ доказанныхъ предложеній, что сія также заимствуютъ свою твердость отъ нѣкоторыхъ другихъ, и что наконецъ приходятъ къ неоспоримымъ положеніямъ (axiōmata) или къ первымъ началамъ, кои совсемъ не можно и не нужно доказывать. Если бы на нихъ можно было сдѣлать Математическое доказательство; то сія начала не были бы первыми; но были бы еще другія, которыя бы симъ

предходили, и кои бы болѣе были извѣстны, нежели онѣ. Присовокупя еще, что сіи другія начала или могутъ быть доказываемы, или не могутъ. Если могутъ, то будетъ продолжаться до полѣ, до колѣ на послѣдокъ никакого не можно найти конца. Если же не могутъ быть доказываемы, то необходимо должно остановиться тамъ, гдѣ Математическаго доказательства болѣе сдѣлать не лзя.

Мы тоже самое можемъ сказать о нравственныхъ истиннахъ, и о тѣхъ главныхъ началахъ, на коихъ онѣ конечнымъ образомъ останавливаются.

Если нѣкоторыя нравственныя начала могутъ быть столькоже извѣстны, сколько самыя извѣстнѣйшія начала въ Математикѣ; то первый, второй, и такъ далѣе шагъ въ справедливомъ слѣдствіи, производимомъ изъ нравственныхъ началъ, будетъ имѣть столько же извѣстности, какъ и первый, второй, и такъ дал. шагъ въ справедливомъ слѣдствіи, которое произошло изъ Математическихкихъ началъ. Ибо слѣдствія, кои правильно и изъ столь же извѣстныхъ началъ выведены, и сами должны быть столькоже извѣстны, еслии одно изъ

Час. II М

СТАТЬЯ ДВАДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

Три главныя разсужденія, которыя показываютъ грубость Софизма.

Однакожъ Деистъ твердо полагается на оное возраженіе. Онъ почитаетъ его неопоримымъ; оно по его словамъ столь трудно, что мы не можемъ иначе рѣшить его, какъ только съ великими усиліями. То чрезмѣрное уваженіе, которое онъ къ нему имѣетъ, необходимо заставляетъ насъ изслѣдовать оное. Посмотримъ, сіе умозаключеніе столько ли справедливо и столько ли ужасно, какъ онъ объ немъ думаетъ, или не есть ли еще одна только уловка ихъ, чтобъ обмануть самаго себя, или чтобъ ослѣпить другихъ, когда преслѣдуютъ его, показывая ему опасность. Мы противоположимъ сему три главныя разсужденія: 1. Хотя и оставимъ мы возраженіе его во всей своей силѣ, однакожъ Деистъ ничего не можетъ выиграть чрезъ сіе къ защищенію своей стороны. 2. Умозаключеніе совершенно сомнительно;

когда послѣдствіе не имѣетъ извѣстнаго начала, на которомъ бы оно основывалось. 3. Хотя бы религію почитали за обманъ или за Божіе опроверженіе, однакожъ очевидно, что Деистъ умозаключаетъ несправедливо и обманывается самымъ грубымъ образомъ.

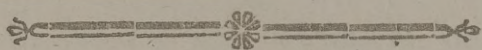
СТАТЬЯ ДВАДЕСЯТЬ ОСЬМАЯ.

Хотя бы опасность была и равна, при всемъ томъ та опасность, которой Деистъ подвергается, нисколько чрезъ то не уничтожается.

Я говорю во первыхъ, хотя бы мы возставили оное возраженіе во всей своей силѣ, однакожъ Деистъ ничего не можетъ выиграть чрезъ сіе къ защищенію своей стороны. Онъ нашелъ бы для себя подпоры, если бы доказалъ, что или Христіанинъ не къ спашъ много говоритъ о опасности, которой подлежитъ невѣріе, или что Невѣрный въ самомъ дѣлѣ ничего не можетъ страшиться. Но

если онъ всего опасается, подпо-
ложивъ истинну Воскресенія Христо-
ва; то что онъ выигрываетъ со сто-
роны будущаго нещастія, которымъ
угрожаетъ Христіанину, подполо-
живъ, что Воскресеніе Іисуса Хрис-
та есть событіе подложное? Менѣ
ли бѣдственна его участь? Наши у-
мозаключенія менѣ ли имѣютъ силы
противъ него? Если возможность
опасности никакъ не можетъ унич-
тожиться на той сторонѣ, которую
онъ взялъ; то менѣ ли онъ ей под-
верженъ, когда раздѣлитъ ее съ на-
ми? Если онъ ничего болѣе не
ищетъ, какъ только пошумитъ съ
нами, то шумитъ не у мѣста. Ибо
предмѣтъ, по нашему мнѣнію, очень
важенъ. Совсѣмъ, говорю, не годятся
шумки тогда, какъ дѣло идетъ о
вѣчномъ щастіи или нещастіи. Когда
спорятъ только о бездѣлицахъ и для
препровожденія времени; то пусть
показываютъ остроумію своего ума,
пусть придираются, гдѣ только мож-
но, пусть гонятъ своего противника
изъ его опчины, и пусть ограничи-
ваютъ себя тѣмъ только, чтобы при-
вести его въ замѣшательство. Сія
мѣлкя уловка бываетъ тогда прос-

пительны, естли только онѣ могутъ таковыми быть въ какомъ либо случаѣ. Но относительно къ тому важному предмету, о которомъ мы разсуждаемъ, сія игра не можетъ быть извинительна. Сплести въ разсужденіи его безполезныя затрудненія, бросаясь въ опдаленности, искать пустыхъ увертокъ, которыя ничемъ не кончятся; это значитъ грѣшить прошивъ всего того, что называется разумомъ и благоразуміемъ.

СТАТЬЯ ДВАДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ.

Когда Деисту даютъ знать о той опасности, которой онъ подвергается; тогда онъ, постыднымъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ изслѣдовать: основательно ли ему говорятъ? угрозы отражаетъ таковыми же угрозами.

Недовольно того, чтобъ обвинять въ неблагоразуміи таковой поступокъ Деиста. Мы можемъ еще сказать, что нѣтъ въ немъ правоты, и что не можно признать его за честнаго.

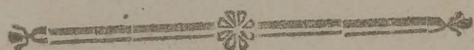
наго человека. Предложимъ сіе въ двухъ только словахъ.

Христіанинъ будучи увѣренъ, что за нераскайнымъ презрѣніемъ его религіи должно послѣдовать вѣчное осужденіе, даетъ знать о томъ Не вѣрному, не другимъ чѣмъ либо будучи къ сему подвинутъ, какъ только единою любовію, и не другое что имѣя въ намѣреніи, какъ только заставить его, посредствомъ онато-мнѣнія, взять предосторожности, которыя могутъ его спасти выше опасности. И чтобы при таковомъ случаѣ долженъ сдѣлать человекъ, управляемый здравымъ разсудкомъ? Онъ долженъ бы со вниманіемъ розыскать дѣло и тщательно въ него войти, чтобы можно было ему или предостеречься отъ опасности, между тѣмъ какъ есть еще время, или презрѣть ее съ добрымъ основаніемъ.

Вмѣстѣ того, чтобы имѣть столь мудрое поведеніе, Деистъ находитъ для себя podporу въ ябедахъ и клеветахъ. Онъ на обвиненія отвѣчаетъ обвиненіями; онъ поноситъ Христіанина то въ идолопоклонствѣ, то въ нечестіи. Онъ ставитъ угрозы прошиву угрозъ, такъ какъ бы доволь-

нымъ считая для своей безопасности то, что и мы въ бѣдѣ. Что бы сказали о такомъ человѣкѣ, котораго жизнь одинъ изъ его ближнихъ, безъ всякаго припворства, почитаетъ находящеюся въ опасности, и которой ему объявляетъ о томъ, желая оказать ему свои услуги? Что, говорю, сказали бы объ немъ, если бы онъ такъ сурово сталъ отвѣчать сему благотворящему другу: знай свое дѣло; страшись своей гибели, а не моей; ибо можетъ быть твоя жизнь равной, какъ и моя, подвергается опасности? Вѣрно, сдѣлали бы ему милость, если бы обошлись съ нимъ, какъ съ грубіяномъ; и тѣ люди, которые почли бы его безумнымъ, очень бы мало въ томъ погрѣшили. Пусть Деистъ о томъ разсудитъ. Его отвѣтъ столь близокъ къ одному отвѣту, что нигдѣ не можетъ быть болѣе сходства. Не еслили знакъ неблагодарности и также грубости, принимая столь худо совѣтъ столь усердной, столь обязательной, какъ тотъ, которой ему дали? Если бы онъ спросилъ, подъ видомъ извиненія, по какому праву Христіанинъ даетъ ему совѣты, а не онъ

Христіанину; легко бы въ томъ ему
удовлетворили. Христіанинъ повто-
ряетъ только то, что сказано было
въ вѣкахъ, давно уже прошедшихъ;
и съ самаго начала его религіи сос-
тояніе Невѣрнаго всегда почиталось
состояніемъ самымъ опаснѣйшимъ.
Но опасность, которою невѣріе угро-
жаетъ Христіанину, по истиннѣ есть
изобрѣшеніе насмѣяющаго только вѣка;
хващались за нее въ сіи уже времена
по одной только необходимости, про-
должая свое поведеніе и отражая
шумъ посредствомъ шума.

СТАТЬЯ ТРИДЕСЯТАЯ.

Страхъ, которымъ Деистъ хо-
четъ поразить Христіанина, въ
разсужденіи будущей жизни,
подложивъ, что онъ обманыва-
ется, есть страхъ сумасброд-
ный и неизмѣющій никакихъ осно-
ваній.

Я приступаю ко второму общему
разсужденію. Доказывать такъ, какъ
доказываетъ Деистъ, это значитъ

строить на пескѣ, и даже ни на чемъ. Еслии Евангеліе есть ничто иное, какъ только смѣсь обмановъ; то вы, онъ говоритъ намъ, будете наказаны, какъ за то, что вѣрили ему, такъ и за то, что Божескую честь воздавали Іисусу Христу.

Можноли у него спросить, на чѣмъ основывается его заключеніе? Откуда онъ знаетъ, что мы будемъ наказаны за тѣ преступленія, которыя онъ намъ вѣнчаетъ? Изъ откровенія ли какого? Но онъ никакого не принимаетъ. Сверхъ того мы знаемъ, что нѣтъ ни единого откровенія, которое бы сіе утверждало.

Не принимая откровенія, будетъ ли онъ разсуждать о совершенствахъ Божіихъ? дабы заключить отсюда, что необходимо должно послѣдовать наказаніе за ту обиду, которую мы, по его словамъ, наносимъ Высочайшему существу? Но и это невозможно по причинѣ двухъ началъ его системы. Онъ думаетъ, что Всевластный Богъ проститъ нѣкоторыя преступленія; и хотябы онъ о томъ и не думалъ, однакожъ будетъ ли онъ не столько жалокъ, сколько и мы? Онъ утверждаетъ еще, что Богъ

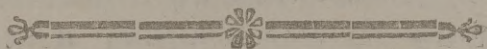
долженъ простить по одному только дѣйствию неограниченной своей благости и безъ всякаго удовольстворенія, какое бы нужно ему было; и сей послѣдній пунктъ нельзя выпустить изъ исповѣданія. Безвѣра, не испровергнувъ всего онаго, и когда онъ вовсе отвергаетъ спасеніе, искупителемъ приобретенное, то ему не трудно понять, что уже никакой спаситель не содѣлаетъ его благополучнымъ противу его собственной воли.

И такъ по тому, что Деисты полагаютъ съ одной стороны, что всякой грѣхъ, какой бы онъ ни былъ, есть обида, наносимая Божественному величію, и что съ другой стороны хотя твердо увѣрены, что Богъ проститъ нѣкоторыя преступленія, однакожъ не знаютъ, какіе суть тѣ грѣхи, за которые онъ накажетъ или не накажетъ виновниковъ ихъ; ибо не могутъ о томъ и знать, еслии Верховной Судіи имъ того не открылъ; по причинѣ, говорю, всего того невозможно имъ точнымъ образомъ опредѣлить, что преступленіе, въ которомъ обвиняютъ Христіанина, не получитъ прощенія.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ рѣшить,
 что грѣхъ быль Христіаниномъ, есть
 грѣхъ неотпустительной, должно по-
 ложить, что онъ содѣлывается та-
 ковымъ или по тому, что онъ есть
 грѣхъ, или что онъ въ частности
 есть такого вида и степени грѣхъ,
 что никакъ не заслуживаетъ проше-
 нія. А болѣе ничего не можемъ о
 томъ сказать. Но полагать первое,
 это значитъ полагать, что наказа-
 ніе неотпущенно должно слѣдовать за
 грѣхомъ, и слѣдовательно ни одинъ
 грѣхъ не можетъ остаться безъ на-
 казанія. Подтверждать второе, это
 значитъ опредѣлять видъ и степень
 грѣховъ, которые отпустительны, и
 которые неотпустительны. Все то,
 что разумъ послѣ сего намъ внуша-
 етъ, состоитъ въ томъ, что мы
 можемъ смѣло положиться на снис-
 хожденіе Божеское къ неизбѣжнымъ
 слабостямъ человѣческимъ; и если
 мы не дѣлаемъ никакихъ пороковъ
 по гордости, по произвольному невѣ-
 жеству, или по нарочитому нерадѣ-
 нію, т. е. если мы впадаемъ въ
 погрѣшности или по несчастію, или
 по заблужденію, не въ силахъ будучи
 отъ того себя предохранить; то все

сіе подположивъ, я говорю, что мы можемъ много надѣяться отъ милосердія Божія, котораго благость несравненно должна быть превосходнѣе всѣхъ милостей человѣческихъ и Ангельскихъ.

И такъ пусть Деисты прилѣжно о томъ размышлять. Если Христіанинъ обманывается въ томъ, что принимаетъ за истинну Воскресеніе Христово; то ни подъ какимъ предлогомъ не можно сказать, что онъ впалъ въ сіе заблужденіе или по намяренію, или произволу. И если вѣчное милосердіе Божіе должно естествонно простираться на таковыхъ грѣшниковъ, то угрозы, которыя Невѣръ намъ дѣлаетъ, не суть ли столько же суешны, сколько и несправедливы?

СТАТЬЯ ТРИДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Напротивъ вѣчное нещастіе Де-
иста точно извѣстно, естьли
Евангеліе есть откровеніе Божест-
венное.

Легко примѣнить можно, что
напротивъ Деистъ намъ скажетъ.
Никто, скажетъ онъ, не будетъ и-
мѣть преимущества въ чемъ либо
предъ другимъ. Для чегобы я не на-
дѣялся получить того же прощенія,
какъ и Христіанинъ? Не тѣже ли и-
мѣю причины къ полученію онаго
какъ, говорю, и Христіанинъ? Мое
заблужденіе, естьли состоитъ въ
одномъ только Деизмѣ, не зависитъ
отъ моей воли, такъ какъ и его.
И Богъ менѣе ли долженъ быть ми-
лосливъ ко мнѣ, нежели къ нему?

Естьли не другое чтолибо для
него нужно, какъ только мои благо-
желанія, чтобъ ему имѣть участіе
въ ономъ неограниченномъ милосердіи,
то я въ нихъ ему не откажу. О
естьли бы онъ могъ утѣшаться о-
нымъ столько, сколько желаетъ и
авспіишся имѣть на то право и даже

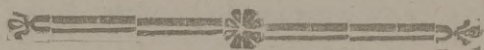
— Но —

если только можно, въ тысячу
кратъ болѣе! Но наконецъ я долженъ
ему сказать, что между имъ и на-
ми гораздо болѣе находится разли-
чія, нежели онъ воображаетъ. Мы
гораздо болѣе увѣрены о его осужде-
ніи, если онъ обманывается, не-
жели онъ, въ подобномъ случаѣ, о
нашемъ несчастіи. Если Иисусъ
Христосъ воскресъ, то мы имѣемъ
откровеніе Божественное. И какъ сіе
откровеніе возвѣщаетъ самыми выра-
зительнѣйшими словами вѣчнаго Не-
вѣрному мученія; то приговоръ, ко-
торой мы объявляемъ Невѣрному,
есть приговоръ Судіи всея вселенныя,
которой уже провозвѣстилъ оной.
Но если Христіанинъ въ томъ об-
манывается, то нѣтъ уже открове-
нія, которое бы дало ему знать о
мщеніи Божественномъ. Правда, Де-
истъ ему нѣмъ угрожаетъ, но здѣсь
осталось вѣрить однимъ только сло-
вамъ сего врага. Онъ ни на кого въ
томъ не ссылается; разумъ и важ-
ность свидѣтелей, опыты его не
подкрѣпляютъ въ томъ. И такъ я
спрашиваю, по какой Логикѣ можно
дѣлать умозаключенія безъ началъ?
Ужели ничего болѣе не надобно, какъ

— III —

только утверждать чтолибо, или отрицать, какъ угодно?

И такъ великое различіе находится между взаимными угрозами Христіанина и Деиста. Христіанинъ совершенно увѣренъ о осужденіи Деиста, подположивъ за истинну Воскресеніе Іисуса Христа; а напротивъ какое бы подположеніе ни дѣлалъ Деистъ о вѣчныхъ наказаніяхъ Христіанина, мы ничего имѣть не можемъ на сей разъ, кромѣ простыхъ догадокъ и пустыхъ подозрѣній. Первой изъ нихъ имѣетъ основаніе говорить отважно и безбоязненно, а другой никогда не можетъ того сдѣлать, какъ только потравъ весь стыдъ.

СТАТЬЯ ТРИДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

Понятіе о милосердіи Божіемъ во всей Его обширности взятое, не можетъ обезопасить Деиста противъ открытыхъ угроженій откровенія.

Знаю, что Деисты находятъ нѣчто, поддерживающее ихъ, въ тѣхъ блистательныхъ понятіяхъ, которыя они дѣлаютъ о милосердіи и благодѣтели Божіей. Если имъ должно въ томъ вѣрить; то оныя совершенства, столь любезныя, не могутъ быть помрачены никакою примѣсью гнѣва или ненависти. Если Верховный Законодатель возвѣщаетъ какослибѣ наказаніе грѣшникамъ, то Его законы суть не что иное, какъ только опредѣленія, угрожающія наказаніемъ, и не другую цѣль имѣютъ, какъ только вселять страхъ въ человека, дабы привести его къ его должности. Сколько бы Божественно ни было Евангеліе, его угрозы не могутъ быть инаковы. Намѣреніе Бога не можетъ клониться къ тому, чтобъ по всей строгости опредѣлить Невѣрнымъ

наказанія, о которыхъ сіе Евангеліе имѣ возвѣстило. Онѣ намѣренѣ только устрашить ихъ нѣсколько въ сей жизни, не предполагая себѣ, чѣмъ сіе окончится, по послѣдствію, къ другой жизни. Такъ они говорятъ, такъ умствуютъ.

Но можетъ ли что нибудь быть менѣе основательно и болѣе безразсудно? Сіи угрозы не могли ихъ ни въ страхъ удерживать, ни привлечь къ должности. Однакожъ они ласкаются, что сіи угрозы есть и будутъ всегда пустыми угрозами. И такъ они воображаютъ, что Богъ не другаго чеголибо желалъ, какъ только пошумить съ ними и устрашая ихъ, позабавиться нѣсколько на шотъ ихъ. Не есть ли это прекрасная честь, которую они дѣлаютъ Верховному Существо?

Сверхъ того какъ можно разсуждать о таинственной волѣ Бога? Это есть бездна, въ которой разумъ человѣческой не можетъ усмотрѣть ни одной капли. Испытать глубину ея, это есть совершенно выше силъ нашихъ; мы, говорю, никогда не откроемъ дна ея, дабы можно было соорудить на немъ что либо швердое

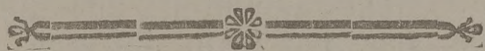
и неразрушимое. Когда Богъ открылъ намъ свои намѣренія, то уже мы знаемъ, какихъ путей намъ должно держаться, и ничто не можетъ больше быть достойно казни, какъ вообразать себѣ, что Онъ не хочетъ сдѣлать того, о чемъ Онъ ясно говоритъ, что сдѣлаетъ. И ожидать отъ него снисхожденія, къ которому Онъ не подалъ намъ ни малѣйшей надежды, не значитъ ли дерзновеніе, столь же много казни заслуживающее?

Богъ не долженъ быть разсматриваемъ только, какъ достойно-поклоняемый Творецъ нашего бытія, и какъ богатый податель всѣхъ благъ нашей жизни. Онъ сверхъ того есть Праведный и Святый Правитель вселенныя. И въ семъ разумъ Онъ обязанъ всею своею славою поддерживать величіе своего Владычества. И такъ когда онъ даетъ законы роду человѣческому, и когда присоединяетъ къ симъ законамъ наказанія или награжденія на томъ концѣ, чтобъ заставить людей повиноваться Ему, то это столь же мало позволяетъ намъ думать, будто Онъ имѣетъ въ намѣреніи только устрашить насъ пустыми своими угрозами, сколь и

утверждать, что Онъ думаетъ только поласкать насъ тщетными общашіями. Въ обществахъ человѣческихъ равно нужно есть, чтобъ Правитель-ство награждало и наказывало. Честь и безопасность правленія того требу-ютъ. Надобно, чтобъ добродѣтели ободряли, дабы поощрить подданнаго дѣлать все то, что можетъ споспѣ-шествовать общему благу. Надобно также, чтобъ пороки подавляли, да-бы ненаказанность не влекла за собою презрѣнія къ законамъ и къ верховной власти.

Я не говорю, что Богъ въ упо-требленіи своей власти, долженъ по-слѣдовать правленіямъ людей. Я же-лаю только, чтобъ согласились со мною въ истиннѣ сего правила, что нѣтъ ничего невозможнаго для Бога, кромѣ того, что содержитъ въ себѣ противорѣчіе. Но въ природѣ вещей не содержитъ противорѣчія то, чтобъ грѣшникъ былъ наказываемъ. Оказы-вать милость тогда, когда заслужено наказаніе, етому, можетъ спастся, лъзя быть совершенствомъ; но можетъ ли быть несовершенствомъ почтено то, когда налагаютъ казнь, заслуженную нарушеніемъ точно извѣстнаго и весь-ма справедливаго закона?

Правда, понятіе о высочайшей благости Божіей имѣетъ въ себѣ нѣчто мирное и пріятное тогда, какъ разсматриваютъ ее, не дѣлая никакого отношенія къ правосудію и святости неограниченной, и оставляя въ забвеніи всѣ тѣ совершенства, которыя насъ изумляютъ или въ ужасъ приводятъ. При всемъ томъ сіи свойства стольже существенны въ Богѣ, сколько и другія. Не принимаютъ ихъ, это значитъ не признавать Бога таковымъ, каковъ Онъ есть; это значитъ дѣлать его по своему воображенію. Если Его любовь должна быть неизчерпаема и непредѣльна; то должно также, чтобъ Его правосудіе было безпристрастно и строго. И такъ когда любовь и правосудіе суть равно истинны; то намъ не должно отдѣлять одну отъ другаго въ продолженіи тѣхъ системъ, которыя мы намѣрены сдѣлать.

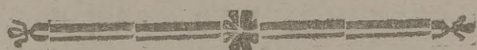
СТАТЬЯ ТРИДЕСЯТЬ ТРЕТІЯ.

Наконецъ когда Христіанинъ долженъ быть наказанъ за то, что върилъ обманщику; то его наказаніе не можетъ быть столь строга, какъ то, котораго Деистъ долженъ страшиться.

Приступимъ къ третьему и послѣднему общему разсужденію, которое мы обѣщались сдѣлать, дабы дать отвѣтъ на возраженіе Деиста. Онъ мнитъ, будто подположивъ, что мы заблуждаемъ, должно намъ всего спрашиваться со стороны правосудія Божія въ другой жизни, и что слѣдовательно опасность есть равна какъ для насъ, такъ и для него. Мы уже видѣли, что бѣдствіе, которому мы подвергаемся, естьли Іисусъ Христосъ былъ обманщикъ, не можетъ доставить ему нималѣйшаго спокойствія. и что сверхъ того онъ ни на какомъ не основывается началѣ, которое бы имѣло хотя малой видъ истинны. Наконецъ скажемъ, что совершенно то ложно, чтобъ опасность, смотря по оному подположенію, была равна для

насъ обоихъ, относительно къ суду Божію. Мы утверждаемъ, что онъ, если обманывается, несравненно болѣе, нежели мы, долженъ страшиться, подположивъ, что и мы заблуждаемъ.

Говорятъ, что вѣровать въ Иисуса Христа, есть преступленіе, если только онъ обманщикъ, и говорятъ еще, что сіе преступленіе не можетъ остаться безъ наказанія; однакожъ никакихъ на то не приводятъ доказательствъ. Но нѣтъ нужды. Деистъ сіе говоритъ, и хотя онъ говоритъ ни на что не опираясь, и не имѣя никакихъ на то доводовъ; однакожъ мы согласимся пому вѣрить. Мы можемъ сдѣлать ему сіе удовольствіе, между тѣмъ какъ наша сторона нисколько отъ того не потерпитъ и его нисколько чрезъ то не усилятся. Но напрошивъ она будетъ слабѣе. И если бы онъ былъ уменъ, то надлежало бы ему о семъ молчать.

СТАТЬЯ ТРИДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

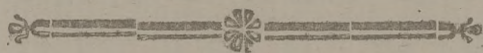
Деистъ, которой погрѣшаетъ противъ религій естественной и откровенной, долженъ понести наказаніе, которымъ каждая изъ нихъ ему угрожаетъ.

Чтобъ начать сравненіе опасности, мы начнемъ съ той, которой Деистъ подвергается, подположивъ, что Воскресеніе Іисуса Христа есть справедливо. Ясно тогда, что Невѣръ погрѣшаетъ противъ двухъ религій естественной и откровенной, и что тяжесть его наказанія должна быть соразмѣрна преступленію.

Сколько бы слабо ни было понятіе, которое Деистъ имѣетъ о законѣ природы; онъ долженъ знать, что Евангеліе, оставляя сей законъ въ частномъ его видѣ, налагаетъ на него печать Божественнаго величія, соединяя его въ одну книгу съ закономъ Іисуса Христа. Если Библія есть книга Богодухновенная, то законъ естественный обязываетъ насъ къ повиновенію себѣ; и когда ничто не можетъ освободить Деиста отъ

сего закона; по ничто несильно оправ-
дать его въ пренебреженіи онаго. И
такъ что можно будетъ сказать о
самомъ откровеніи, заключающемся
въ Евангеліи, о семъ законѣ столь
высокаго установленія, которой со-
держитъ въ себѣ столько правилъ и
столько должностей, крайне важныхъ,
относительно къ славѣ Бога и шас-
тію рода человѣческаго? Еслили вмѣс-
то того, чтобъ съ благоговѣніемъ
принимать сію религію такъ какъ
Божественную, Богомъ намъ данную;
еслили вмѣсто того, чтобъ съ со-
вершенною преданностію покорить се-
бя ея ученію; еслили, говорю, вмѣс-
то всего того недостойнымъ обра-
зомъ ее почитаютъ за ложь и об-
манъ, смѣются надъ ея угрозами,
издѣваются надъ ея правилами и ру-
гаются надъ ея величественными та-
инствами; то не значитъ ли сіе, при-
лагаютъ еще большія беззаконія къ
тому, что уже было само по себѣ
болѣе, нежели законопреступно? Грѣ-
хи, содѣянные противъ природы, не-
оспоримо заслуживаютъ нѣкоторыя
наказанія; но грѣхи, содѣянные про-
тивъ Евангелія, безъ сомнѣнія долж-
ны заслуживать самыя суровѣйшія

мученія. Не внимать гласу разума,
 что есть порокъ слишкомъ постыд-
 ной и поносной; не смыкать глаза
 противу свѣта откровенія, которое
 бросаетъ на насъ яркіе свои лучи,
 что показываетъ столь порочной по-
 ступокъ, что не лѣзя вообразить на-
 казаній, соразмѣрныхъ оному. И такъ,
 какой долженъ быть жребій сихъ
 непоправимыхъ людей, которые въ
 этомъ и другомъ погрѣшаютъ? Нака-
 занія, которыми природа и Евангеліе
 имъ угрожаютъ, не будутъ ли на-
 вѣчнымъ ихъ удѣломъ? Сколь пла-
 ченно такое состояніе! Сколь у-
 жасно! Но Деистъ можетъ еще пред-
 упредить сіе несчастіе. Еще есть
 время, если онъ хочетъ, имъ вос-
 пользоваться. Мы сего желаемъ ему
 отъ искренности сердца и почитаемъ
 себя обязанными открыть ему, для
 его щастія, всю великость его опас-
 ности.

СТАТЬЯ ТРИДЕСЯТЬ ПЯТАЯ.

Когда Христіанинѣ, обманыва-
ясь, погрѣшаетъ только про-
тивъ закона природы; то и судъ
свершится надъ нимъ по ея за-
кону.

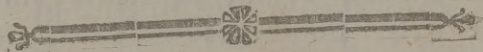
Съ другой стороны, если Е-
вангеліе не есть откровеніе Божіе,
Христіанинѣ обманутый подлежитъ
одному закону естественному. Объ-
язанность, жить сообразно своей ре-
лигіи, уничтожается, какъ скоро сія
религія ложна, и для Бога она не
будетъ правиломъ въ будущемъ су-
дѣ. Если Христосъ былъ только
обманщикъ, Его ученики не имѣютъ
другаго закона Божія, кромѣ закона
природы, и въ оный великій день они
должны только дать отчетъ: со-
всею ли точностію выполнили его
должности. Сейто конецъ долженъ
быть суда Божія. Заблужденіе, въ
которое падетъ Христіанинѣ, испо-
вѣдая Евангеліе; слѣдствія сего заб-
лужденія въ почитаніи и служеніи
Богу; самое преступленіе, раждающе-
еся, по видимому, изъ нарушенія

позвилъ ложной религіи, почитаемой истинною, все сіе, говорю, будетъ рѣшено предъ Богомъ по закону естественному. Причины сему очевидны. Евангеліе, подполагаемое нами здѣсь изобрѣщеніемъ человѣческимъ, не можетъ быть образцомъ для Бога, когда Онъ будетъ судить человѣковъ, но рѣшеніе всѣхъ предложенныхъ случаевъ собственно и непосредственно принадлежитъ къ суду закона природы. Всѣ сіи различные случаи относятся къ употребленію разума, какое мы обязаны имѣть изъ онаго и разрѣшаются симъ общимъ вопросомъ: поступы Христіанина были ли поступы яко твари разумной и свободной?

Въ самомъ дѣлѣ, когда предложено намъ ученіе, яко Богомъ откровенное, то наша первая должность необходимая есть, разсмотрѣть характеры Его Божественности, которые оно въ себѣ заключаетъ, и сіе разсмаприваніе относится къ разуму, но не къ вѣрѣ. И когда, по увѣренію своей совѣсти, человѣкъ пріялъ за Божественную сію религію, то онъ обязанъ соглашаться съ нею свои поступы, хотябы по невѣденію былъ и

въ заблужденіи; и доколѣ находишься
въ немъ сіе увѣреніе, онъ поступалъ
бы противъ своей совѣсти и разума,
если бы не соглашался съ нею въ
своихъ поступкахъ; поелику нару-
шилъ бы порядокъ, поставленный Бо-
гомъ въ міръ разумныхъ существъ, и
противоборствовалъ бы разуму, дан-
ному отъ Бога путеводить насъ.

И такъ если есть что нибудь
здѣсь яснаго, то сіе одно только,
что, подполагая религію Христіан-
скую ложною, Христіане не должны
страшиться другихъ наказаній, кро-
мѣ наказаній закона естесвеннаго.
Сіе положеніе не столь горестно, не
столь ужасно, какъ Деистовъ, ко-
торые, подположивъ истинну Хри-
стіанства, будутъ подлежать вмѣстѣ
наказаніямъ природы и Евангелія.

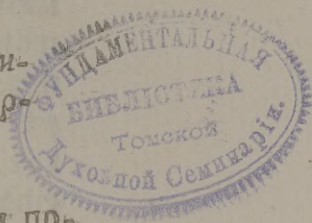

5681.

— 125 —

СТАТЬЯ ТРИДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

Преступленіе Деиста увели-
чается обстоятельствами совер-
шенно гнусными.

Противъ какого бы закона ни по-
грѣшали Христіанинъ и Деистъ, по
невѣріе послѣдняго сопровождають
обстоятельства для него вредитель-
ныя и гнусныя, каковыя не могутъ
быть въ легковѣріи другаго. И такъ
разсмотримъ по сему, кто изъ нихъ
стремится къ большей опасности.

Наши Деисты не имѣютъ нуж-
ды въ моемъ изъясненіи, какія тѣ
обстоятельства, которыя соединены
съ ихъ невѣріемъ. Слѣдуетъ имъ
только положить руку на сердце, и
оно имъ скажетъ болѣе, нежели я.
Они знаютъ всѣ свои поступки, на
словахъ и на самомъ дѣлѣ оказанныя
противъ Евангелія. Ничто не укры-
лось отъ стрѣлъ ихъ злобы. Рожде-
ніе Спасителя, Его жизнь, Его смерть,
Его Воскресеніе, Его Вознесеніе, Со-
шествіе Святаго Духа, вдохновеніе
Апостоловъ, чудеса учителя и Его
учениковъ, все подало матерію къ

посмѣянію симъ мнимовысокимъ у-
мамъ. Въ нѣкоторыхъ изъ сихъ пунк-
товъ въ нихъ злоспъ можетъ быть
превозмошла злоспъ Книжниковъ и фа-
рисеевъ, и такъ сказать, въ общест-
вахъ Христіанскихъ Христосъ по-
страдалъ столькоже, какъ и въ томъ
народѣ, которой подъялъ его на
крестъ. Іудеи, пригвоздившіе его къ
оному, могли содѣять единый толь-
ко разъ сіе ужасное злодѣяніе, меж-
ду тѣмъ какъ въ нашихъ общест-
вахъ, каждый день, и почти каждую
минуту разпинаютъ Его и поносятъ.
Магометане, которые приписываютъ
Ему, по уваженію, высокое шило
слова и силы Божіей, вострепетали
бы отъ ужаса, услышавъ, какимъ
образомъ издѣваются надъ Нимъ тѣ-
же самые, которые пріяли на себя
Его имя. Не смотря на различіе двухъ
религій, ложный пророкъ столько
внушилъ почтенія своимъ послѣдова-
телямъ къ Іисусу, что если бы
они были свидѣтелями Его поноше-
ній со стороны Христіанъ, почли бы
себя обязанными отмстить имъ за
честь Его. По крайней мѣрѣ извѣст-
но, что враги Его не осмѣлились бы
говорить между Магометанами, такъ

какъ поступаютъ они между собою. Не спрашивай то, что Турки, Сарацины, Ефіопы и другіе варварскіе народы даютъ уроки въ семъ пунктѣ тѣмъ самымъ, которые носятъ на себѣ имя Христіанъ?

О да обращатъ Деисты вниманіе на сіе обстоятельство! Если они заблуждаютъ, то за все сіе дадутъ отчетъ, не выключая и самаго заблужденія. Не сія одна ихъ погрѣшность, что они откровеніе почли за обманъ и Христа за обманщика, будетъ имъ вѣнена. Есть другой порокъ ужаснѣйшій, нежели сей духъ ожесточенія, духъ ядовитой сатиры, язвительныхъ издѣвокъ, коими они поносятъ лице, дѣйствія и религію Спасителя. Не довольны тѣмъ, что отвергли Божественность Евангелія, они разлили свои предразсудки самымъ злобнымъ и ядовитымъ образомъ, какимъ только могли, и вліяли ядъ свой во всѣ сердца, въ какія только успѣли; и, если бы отъ ихъ воли зависѣло, то уста всѣхъ изрыгали бы хулы противъ того Христа, коему мы поклоняемся. Можетъ ли другой поступокъ быть болѣе сего пороченъ и неизвинителенъ?

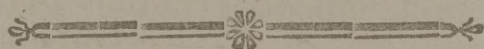
Естьлижѣ они другого мнѣнія, то къ чему такая желчь, такая злость, такія буйныя движенія? И такѣ кто не видитѣ, что всѣ сіи поступки оныхѣ, увеличиваютѣ ихѣ вину, естьли они и заблуждаютѣ въ своемѣ мнѣніи?

Не лзя упрекать симѣ образомѣ Христіанѣ, подположивѣ, что они обманываются. Ихѣ заблужденіе не имѣетѣ въ себѣ сихѣ тусныхѣ характеровѣ. Это не что другое было бы, какѣ ревность неосновательная и безразсудная набожность. Съ ихѣ стороны нѣтъ издѣвокѣ противѣ Неба, нѣтъ чувствій, противныхѣ Существу Верховному.

Сравнимѣ природу преступленій. Естьли Воскресеніе Христа не есть истинно, то Христіане почтили только Божескими жертвами предмѣтъ, недостойный ихѣ. Естьлижѣ истинно, то Деисты опвергли почитаніе того, коему должны поклоняться. Мы назовемѣ погрѣшность первыхѣ идолопоклонствомѣ, но какое имя припишемѣ погрѣшности вторыхѣ? Почитать за обманщика Сына и Посланника Божія, значитѣ ли сіе менѣе, нежели Богохуленіе? Естьли противо-

положить преступленіе преступленію; то преступленіе Деистовъ перевѣситъ своею тяжестію. Пусть идолопоклонство равняется само собою Богохуленію; я уступаю; но многія и чрезмѣрно усиленныя поношенія, сопутствующія послѣднему, поставляютъ его въ числѣ постыдныхъ и тяжкихъ преступленій, какихъ нельзя приписать Христіанамъ.

И такъ мы правильно можемъ утверждать противъ Деистовъ, что слѣдствія ихъ заблужденія должны быть несравненно опаснѣе и гибельнѣе, нежели слѣдствія нашего.

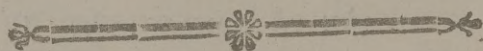

СТАТЬЯ ТРИДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

Настоящія выгоды столько противны Христіанину, и столько пріятны Деисту, что кто бы изъ нихъ ни обманывался; но Судія міра не съ равною строгостію будетъ судить ихъ, если бы Христіанинъ и обманывался.

Предложимъ другое разсужденіе. Если религія Христіанская не есть

истинна, по мнѣ кажется, что Христiанинъ, исповѣдающій ее съ добрымъ сердцемъ, ни чего не выигрываетъ въ мiрѣ, но напрошивъ много шѣряетъ со стороны удовольствій и свободы. Система Деиста, по епой части, совершенно другая. Она состоитъ въ томъ, чшобъ наслаждаться сею жизнью, и, имѣя религію, не беспокоиться ею. Сдѣлаемъ о семъ простое сужденіе. Соспраніе судіи безъ сомнѣнія будетъ клониться на сторону Христiанъ. Зблужденіе сдѣлало бы ихъ несчастнѣйшими на земли. И такъ Христiанинъ безъ сравненія болѣе жалокъ и болѣе достоинъ состранія по сей части, предъ Судіею вселенной, нежели Деистъ, которой съ хорошимъ разчетомъ, умѣлъ презрѣть откровеніе, коего бы тяжесть бременила его.

СТАТЬЯ ТРИДЕСЯТЬ ОСЬМАЯ.

Главное заключеніе изтекаетъ изъ всѣхъ сихъ разсужденій, что Деисту болѣе всего нужно, съ нарочитымъ вниманіемъ разсмотрѣть ученіе о Воскресеніи Христа.

Я заключаю изъ предвѣдущихъ разсужденій, что нужно какъ тѣмъ, такъ и другимъ съ должнымъ стараніемъ разсмотрѣть, кто изъ нихъ основательнѣе въ своей системѣ; Деистъ ли, который увѣряетъ, что Евангеліе есть обманъ; или Христіанинъ, который приѣмлетъ его яко опроверженіе.

Примемъ за начало неоспоримое, что мы будемъ наказаны за худыя поступы, касательно спасенія, будемъ наказаны, говорю, по мѣрѣ старанія, съ каковымъ мы будемъ изыскивать истину, какъ для того, чтобъ пріобрѣсти просвѣщеніе, котораго не имѣемъ, такъ и для того, чтобъ пріобрѣтеннымъ уже пользоваться согласно съ разумомъ. Вотъ къ чему ведутъ вѣчные законы правосудія и правоты, по которымъ дол-

женъ рѣшить судъ надъ существами разумными Творецъ природы, которой по существу своему есть самое правосудіе и высочайшій разумъ.

Отсюда слѣдуетъ, что сей величественный судъ болѣе долженъ быть ужасенъ тѣмъ, которые съ меньшимъ вниманіемъ разсматриваютъ предметы, выводятъ изъ нихъ слѣдствія принужденныя и весьма издалека взятыя, съ великимъ оберегательствомъ убѣгаютъ тѣхъ правилъ, коимъ въ прочемъ весь слѣдуетъ родъ человѣческій въ своихъ умозаключеніяхъ, и для того удаляющся, чтобъ вѣрить, противъ воли, тому, чему не должно, или чтобъ не вѣрить, противъ разума, тому, чему надлежало бы, если бы слѣдовали его внушеніямъ.

Изъ сего выведемъ слѣдующее: если Христіанинъ болѣе достоинъ извиненія, предъ судомъ Бога, въ своей вѣрѣ Воскресенію Христа, подложивъ Его ложнымъ, нежели Деистъ въ невѣріи Оному, подложивъ Его истиннымъ: то должно, чтобъ Деистъ, отвергшій Воскресеніе Христа, претерпѣлъ наказанія спрочайшія, нежели Христіанинъ, которой

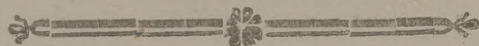
пріялъ сіе явленіе за истинное, хотя бы оно и ложно было.

И такъ чтожъ остается нашимъ Невѣрамъ, какъ только разсмотрѣть съ нарочитымъ вниманіемъ побужденія, по которымъ они отвергаютъ Воскресеніе Христа; взвѣсить причины свои съ причинами Христіанъ; и болѣе всего остерегаться, чтобъ отвергая сіе событіе, не уклонялись отъ правилъ истиннаго умозаключенія, коимъ слѣдуютъ утверждающіе оное. Ихъ предостерегаютъ. И еслили они презираютъ сіи предосторожности; то опасность, на которую они отваживаются, увеличивается по мѣрѣ того, какъ ихъ поступъ будетъ менѣе согласенъ съ разумомъ. Еслижъ, по здравому разсужденію, Христіане вѣрующіе Воскресенію Христа, основываются на началахъ истинныхъ, признанныхъ таковыми отъ всѣхъ и допускаемыхъ разумомъ удаленнымъ отъ всѣхъ предразсудковъ; то невозможно, чтобъ Деисты имѣли со своей стороны таковыя же начала; и слѣдовательно ихъ невѣріе подвергаетъ ихъ величайшему несчастію, еслили коснѣть въ ономъ будишь. Ахъ! когда бы они благовре-

мянно подумали о семъ пунктѣ! Когдабъ были чистосердечны при разрѣшеніи сего вопроса! Когда бы болѣе были ревностны и внимательны, нежели сколько бывають ревностны и внимательны въ изысканіи истиннѣ Философскихъ! Сія истина важнѣе тѣхъ открытій, посредствомъ коихъ они приобретаютъ великую славу, великую честь въ обществѣ ученыхъ.

Я надѣюсь, что слѣдующее разсужденіе можетъ имъ быть нѣсколько полезно, только чтобъ они удалили отъ себя предрассудки, и поступали подобно тѣмъ, которые имѣютъ одну только истинну въ виду, и чувствуютъ, сколь трудно и полезно найти ее, касательно сего предмета.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

пунктъ! Ког-
да бы болѣе
шельны, не-
рвеностны и
іи истиннѣ
на важнѣ
пвомъ коихъ
икую славу,
пвѣ ученыхъ.
Бдующее раз-
быть нѣсколь-
бъ они уда-
дки, и пос-
которые имѣ-
ну въ виду,
рудно и по-
шельно сего

ЧАСТИ.

